

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ В 1930-2010-Е ГГ.: ИНВЕРСИОННЫЙ ЦИКЛ?*

КИРДИНА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА,

доктор социологических наук,
ФБГУН Институт экономики РАН. г. Москва,
e-mail: kirdina@bk.ru

В статье представлено отношение к экономическому институционализму в СССР и постсоветской России, начиная с 30-х гг. XX века и до настоящего времени. Показано наличие инверсионного цикла с фазой критического отрицания старого и нового институционализма до 1990-х гг. и наступившей затем фазой масштабной, зачастую некритической абсорбции (впитывания) идей институциональной экономики. Показаны доктринально-идеологические причины негативного отношения к институционализму в годы после образования СССР в рамках «критики буржуазной политэкономии». Проанализированы особенности проявления институционалистского подхода в трудах советских политэкономов и в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы в 1980-х гг. Особое внимание уделено развитию институционализма в постсоветской России. Также обсуждаются перспективы формирования «российского институционализма» на основе оригинальных институциональных концепций отечественных ученых, опирающихся на обновленные методологические принципы.

Ключевые слова: история экономической мысли; институционализм; гетеродоксная экономика; Россия; Советский Союз; Торстейн Веблен.

INSTITUTIONALISM IN RUSSIA IN 1930-2010S: AN INVERSION CYCLE?

KIRDINA SVETLANA, G.,

Doctor of Sociological Sciences (PhD),
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: kirdina777@gmail.com

This inquiry explores and details the slowed and often thwarted development of institutional thought in Russia, and then its later flourishing. I use Alexander Akhiezer's term of "inversion cycles" as a way to frame the inquiry, and relatedly, I divide the arrival and advancement of the institutional field of inquiry into two distinct phases, with the first defined as a Thwarted Phase that becomes evident in the 1930s. At the first phase (1930-80-s) there was a complete negation of both the old institutionalism and the new institutionalism. The Flourishing Phase commences with the start of the 1990s and continues up to the present. At that stage we can see a broad and uncritical absorption of institutional economics ideas. I draw relationships with how some of the long term effects stemming from the October Revolution of 1917, the founding of the USSR in 1921, and the tradition of dialectical materialism derived

* Статья подготовлена на основе доклада «Институционализм в России: XX – начало XXI вв.», представленного на научном семинаре «Теоретическая экономика» в Институте экономики РАН 23 апреля 2015 г. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-02-00422.

from Karl Marx and Frederick Engels, effectively thwarted the institutional approach to Economic Science for almost all of the Soviet era. The Flourishing Phase can be distinguished by the start of the transition to market economy, the emergence of independent presses, and the translation of key institutionalist documents, plus the dissemination of articles and books authored by Russian scholars⁴ with some reaching into university curriculums. Relatedly, and in conclusion, I offer insights into the prospects for the emergence of a distinct "Russian Institutionalism" and based upon original contributions from Russian scholars relying upon contemporary methodological principles.

Keywords: *Russian economic thought; institutional economics; Marxist political economy; Russia; Soviet Union; Thorstein Veblen.*

JEL: *B4; B15; B25, B31, B52.*

Введение

В начале 1990-х гг. российский культуролог Александр Ахиезер представил оригинальную концепцию России как «расколотого общества», чье развитие осуществляется посредством «инверсионных циклов», т.е. маятниковых колебаний между биполярностями (Ахиезер, 1997). В ходе этих колебаний необходимая для прогресса любого общества критика исторического опыта становится у нас настолько уничтожительной, а отрицание предыдущих ценностей - столь катастрофическим, что вместо положительной роли они несут в себе «разрушительный потенциал дезорганизации» (Матвеева, 1997. С. 20) и создают повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленных знаний и практик. Господство инверсии означает преобладание готового опыта над рождением новых культурных смыслов и образцов, преобладание простого типа воспроизводства над более сложным интенсивным типом воспроизводства (Матвеева, 1998. С. 36). Если медиация представляет собой способ заполнения пространства между биполярностями, наращивание культурного богатства между полюсами оппозиций и развивается через углубление диалога, то при решениях инверсионного типа происходит отталкивание от предыдущего как противоположного в рамках перебора альтернатив «либо-либо»¹. Для инверсионной логики характерен монолог.

Наличие таких инверсионных циклов Ахиезер связывал со слабостью медианной (утилитаристской) культуры² и соответствующих ей диалогичных форм мышления в российском обществе. В связи с этим каждый новый поворот выступает отрицанием предыдущего, сопровождается обрывом культурного опыта и традиций, настолько нарушая единство и преемственность, что дальнейшее развитие становится почти невозможным или чрезвычайно затратным.

Подход Ахиезера, применяемый им на макроуровне социально-исторического анализа, на мой взгляд, является весьма плодотворным и для микроуровня, в частности, при распространении институционализма в России. Его идея инверсионных циклов одновременно служит и методологией данного исследования, и находит свое подтверждение в его результатах.

В статье будет показано, что отношение к институционалистам среди отечественных политэкономов в начале 1930-х гг., когда это направление экономической мысли оформилось в США и мировой науке, было исключительно негативным. Институционализм относили к вульгарным направлениям буржуазной политической экономии, а институционалистов (несмотря на характерную для них критическую направленность) полагали апологетами капиталистического общества. Неприятие институционального подхода в официальном экономическом сообществе

¹ Как отмечает С. Я. Матвеева, идеи инверсии и медиации были введены Клодом Леви-Строссом при анализе мифов, но переосмыслены Ахиезером для анализа социокультурного опыта в духе воспроизводственной теории (Матвеева, 1998. С. 34).

² Одними из первых исследований, обосновывающих слабость медианной культуры в России, были труды Николая Бердяева (Бердяев, 1915).

СССР продолжалось вплоть до 1980-х гг. Но с началом перестройки (1985-1991 гг.) ситуация кардинально меняется. В 1990-е гг. наиболее значительные работы зарубежных институционалистов переводятся на русский язык и издаются немалыми тиражами, российские авторы формируют и издают учебники по институциональной экономике, открываются специализированные кафедры в университетах, создаются ассоциации исследователей, работающих в этом направлении, а также соответствующие журналы, проходят конференции и симпозиумы и т.д. Не будет преувеличением сказать, что на постсоветском пространстве институционализм уже не одно десятилетие является весьма популярным течением среди экономистов, даже среди тех, кто не причисляет себя к лагерю институционалистов.

Можно видеть, что в хронологии восприятия институциональных идей российским научным сообществом находят свое отражение закономерности инверсионных циклов, исследованные Ахиезером. На первом советском этапе отрицание идей институционалистов было настолько глубоким, что блокировались любые попытки позитивного использования институционального подхода для анализа экономических и социальных феноменов в тогдашнем СССР. На втором постсоветском этапе, наоборот, институционализм как возможная замена предыдущего отечественного мейнстрима - марксистской политической экономии, - воспринимается практически без критики, а, наоборот, «на ура!». Сформированные его представителями концепции, терминология, методы анализа полагаются неопровержимо справедливыми и полезными для изучения современного российского общества. Можно увидеть, как из одной крайности - полного отрицания - мы перешли в другую - к массовому насаждению современного зарубежного институционализма «как он есть» в научной литературе, университетах, исследовательских лабораториях и т.д. Критический анализ в отношении того, насколько правомерно использовать развитый применительно к изучению иной социально-экономической реальности научный подход в исследованиях современного российского общества, нынче не принят.

Отмечая выявленный инверсионный цикл в развитии институционализма в России, следует, тем не менее, выделить попытки утилитаристского отношения российских ученых к институциональному направлению, включая как применение его категориального аппарата к анализу российской истории и современности, так и конструирование самостоятельных исследовательских схем и теорий в рамках институционально-эволюционной парадигмы. В своих работах Ахиезер считал развитие «срединной культуры» (Ахиезер, 1997. С. 79), направленной на поиск синтеза и меры противоположностей через диалог, важнейшим фактором развития российского социума и преодоления его «расколотости». Размышляя о перспективах институционализма в России, я также полагаю, что поиск медиации традиций российской экономической мысли и заимствуемого институционального подхода означал бы один из наиболее плодотворных путей его развития в нашей стране. Разработанные на основе этого диалога утилитарные, т.е. полезные для страны концепции и теории, которые позволят лучше понимать происходящее и использовать полученные знания как основания массовых решений – не в этом ли могла бы состоять цель развития институционализма в России в XXI веке?

Прежде чем представить хронологию восприятия и развития институциональных идей в России, кратко охарактеризуем исследуемое направление.

Здесь и далее будем называть институционализмом³ то, что по-английски обозначается как Institutional Economics. Другими словами, за пределами рассмотрения остается институционализм в политических науках, правоведении и социологии, где он исторически возник задолго до того, как в этом направлении

³ Термин «институционализм» с его окончанием на «изм» имеет отчетливо выраженный «идеологический привкус». Корректнее, на мой взгляд, говорить об институциональном подходе. Но в русскоязычной литературе по экономической теории этот термин устойчиво закрепился, поэтому он используется в настоящей статье.

начали думать экономисты⁴. Также не рассматривается так называемое институционалистское направление российской школы экономической мысли начала XX в. в эмиграции⁵.

Институциональная школа в экономических исследованиях берет свое начало в основном⁶ в американской интеллектуальной традиции. Принято считать, что институциональное направление (Institutional Economics) стало складываться в США на рубеже XIX-XX вв. как противопоставление неоклассической экономике. Введя в 1916 г. понятие «институциональная политическая экономия», Уолтон Гамильтон (*Hamilton, 1916*) имел в виду необходимость анализировать рынки и рыночное поведение (основной предмет неоклассики) не только сами по себе, но с учетом разнообразных влияющих на них факторов – от технологических до социально-психологических и политических. В 1919 г. он же вводит термин *институционализм*, обособляя новое направление уже не только от неоклассической экономической теории, но и от политической экономии (*Hamilton, 1919*).

Наиболее отчетливо специфика нового взгляда на экономику, как отмечал Гамильтон, была представлена в работах Торстейна Б. Веблена (1857-1929), признанного затем одним из отцов-основателей институционализма в США и, соответственно, в мире. Институциональная экономика фокусируется на понимании развития экономики как эволюционного процесса и изучает роль институтов в формировании экономического поведения. Вот как определял предмет этой дисциплины Веблен в своих работах. В 1898 г. он писал, что

«эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» (*Веблен, 2006 (1898). С. 28*).

Еще более определенно он выразил свое понимание в известной работе «Теория праздного класса»:

«Эволюция общественного устройства является процессом естественного отбора социальных институтов. ... Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие и господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (*Веблен, 1984 (1899). С. 200*).

Именно на идеях Веблена и его единомышленников, среди которых наиболее известны Джон Коммонс, Уэсли Митчелл, Джон М. Кларк, Кларенс Эйрес, Джон Гэлбрейт (*International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968. P. 462–467*), основано направление, называемое сегодня *старый институционализм* (он же традиционный, классический или оригинальный институционализм). Старый институционализм в вебленовской традиции является в настоящее время одним из доминирующих подходов в *гетеродоксной экономике*⁷. Это направление институционализма отличается междисциплинарностью, являясь в определенном смысле продолжением философских, социологических, культурологических и правовых исследований в приложении к экономическим проблемам.

Новая институциональная экономика, или *новый институционализм* (New

⁴ В 1962 г. Дэвид Гамильтон в своей статье «Почему институциональная экономика не институциональна?» писал о том, что «институт» является одним из основных концептов, исследуемым практически во всех социальных науках. В этой связи он активно возражал против выделения «институционального направления» в экономической науке как бессмысленного «умножения сущностей» (*Hamilton, 1962*).

⁵ Об этом см., например, в работах М. Г. Покидченко (*Покидченко, 2005*) и др.

⁶ К раннему институционализму за пределами США относят англичанина Джона Гобсона (1858-1940), а также французских институционалистов Франсуа Симианда (1873-1935), его учеников Гаэтана Пирю Бертрана Ногаро и др. (*Инополитов, 2008*).

⁷ Гетеродоксная экономика, в отличие от ортодоксии, или неоклассики, составляющей современный *mainstream economics* (*Colander et al., 2004. P. 490*), включает направления, «не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии» (*Dequech, 2007. P. 295*). Общим для гетеродоксной экономики является явно или неявно разделяемый «взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную» (*Lawson, 2006. P. 497*).

Institutional Economics), является вариантом, основанным на более поздних работах американских институционалистов 1920-30-х гг. Причиной становления данного направления в институциональных исследованиях стала неудовлетворенность преимущественно описательным характером оригинального институционализма, а также его неспособностью предложить строгую математизированную теорию для организации массы эмпирических и исторических данных. Считается, что новый институционализм⁸ начинается с работы Рональда Коуза «Природа фирмы» (*Coase, 1937*). За свой вклад в новую институциональную экономику Коуз стал Нобелевским лауреатом в 1991 г. Среди известных представителей данного направления еще трое лауреатов Нобелевской премии по экономике - Дуглас Норт, Оливер Уильямсон и Элиноор Остром, - все они также из США.

Если оригинальный институционализм базировался на критике неоклассических постулатов (среди них методологический индивидуализм, рациональность и максимизация прибыли, равновесие, устойчивость предпочтений экономических агентов), то новый институционализм интегрирован в неоклассику и представляет сегодня одно из направлений ее развития⁹.

Данное утверждение об интеграции неoinституционализма в экономический мейнстрим еще несколько лет назад надо было специально доказывать (см. *Кирдина, 2008*), ссылаясь на авторитет таких знатоков экономической мысли, как А. Н. Нестеренко, М. Блауг и др. Сегодня об этом можно прочесть даже в Википедии (http://en.wikipedia.org/wiki/New_institutional_economics).

Анализ показывает, что новый институционализм несколько смягчил исходные предпосылки мейнстрима, адаптировав их к изучаемой реальности, но не изменил его методологическое ядро. Так, вместо полной рациональности принята предпосылка ограниченной рациональности, вместо «просто экономического поведения» анализируются влияющие на него когнитивные и психологические факторы, расширился состав изучаемых издержек – к ним добавились издержки трансакций, и т.д. Поэтому как сами представители нового институционализма (например, Оливер Уильямсон, написавший, что «институциональная экономика инкорпорирована в ортодоксию» (*Williamson, 2000. P. 596*)), так и исследователи данного направления (например, Петер Кейзер, утверждающий, что «методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории» (*Keizer, 2007. P. 5*)), согласны в трактовке нового институционализма как одной из современных версий экономического мейнстрима – неоклассической теории.

Различие между оригинальным (старым) и новым институционализмом необходимо иметь в виду при анализе восприятия и развития институциональных идей в России в XX и начале XXI вв.¹⁰

Статья, кроме введения, состоит из трех частей и заключения. В первой части рассматривается критическое отношение к институционализму в советской экономической науке с 1930-х до 1980-х гг. Во второй части представлены институционалистские идеи в трудах советских ученых. В третьей части показано распространение и развитие институционализма в постсоветской России. В заключении сделаны основные выводы.

⁸ Термин “New Institutional Economics” предложен Оливером Уильямсоном в 1975 г. в работе «Рынки и иерархии...» (*Williamson, 1975*).

⁹ Сегодня в новый институционализм входят транзакционная экономика, которая изучает сделки и издержки, с ними связанные; контрактная теория, рассматривающая организации как пучки контрактных отношений; экономическая теория прав собственности, анализирующая права собственности и издержки, связанные с их спецификацией, и т.д. (см. *История экономических учений, 2000. С. 653-687*).

¹⁰ Наряду с этими двумя наиболее распространенными институциональными течениями в экономической теории существуют и другие, например, исторический институционализм (*Fioretos, 2011*), новый французский институционализм (*Розманский и Холодильни, 2000*), сравнительный институциональный анализ (*Aoki, 2013*) и т.д. Детальная классификация современных институциональных исследований в мире, также как и выявление внутренней структуры старого и нового институционализма, не входит в задачи настоящей статьи.

1. Критика институционализма в советской экономической науке, 1930-1980-е гг.

Институционализм (оригинальный институционализм) оформился как самостоятельное течение в мировой экономической науке в 1920-1930 гг. (Нуреев, 2007. С. 73). Поэтому первые упоминания и анализ этого направления можно найти в работах отечественных экономистов уже в 1928 и 1930 гг.¹¹. С тех лет и вплоть до середины 1980-х гг. восприятие институционализма в СССР было сугубо критическим. Объяснение этому следует искать в особенностях развития экономической теории в стране в тот период.

Контекст экономической науки 1920-30-х гг. определялся, на мой взгляд, тремя наиболее важными внутренними причинами. Во-первых, он был связан с идеями победившей в 1917 г. Великой Октябрьской социалистической революции, прежде всего, с марксизмом. Еще в Российской империи работы Карла Маркса были известны, пожалуй, как нигде за пределами Германии. Первый перевод великого труда Маркса *Das Kapital, Band I* (1867) на иностранный язык был выполнен в России и опубликован в 1872 г. тиражом в 3000 экз. (при тираже «Капитала» в самой Германии в 1000 экз.), став весьма популярным в среде российских интеллектуалов и общественной мысли в целом. После революции идеи Маркса легли в основание официальной идеологии нового российского государства. Таким образом, взгляды Маркса, в том числе и в экономической теории, получили дополнительную поддержку на государственном уровне.

Другой особенностью послереволюционных лет стала адаптация марксистских идей Владимиром Ульяновым-Лениным и его соратниками к российским условиям. В 1924 г. вышла брошюра Иосифа Сталина «Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете». В ней он говорит о ленинизме как о «марксизме эпохи империализма и пролетарской революции», подчеркивая его особенность как «теории и практики диктатуры пролетариата». Сформированный таким образом слоган «марксизм-ленинизм» предъявлял к экономическим доктринам требование «служить интересам рабочего класса», более того, это требование становилось одним из главных критериев для их оценки. Если же, например, политическая экономия «служит интересам буржуазии», которая воспринимается как реакционный класс в эпоху социальных революций, а тем более в стране победившего пролетариата, то такая политическая экономия маркируется как «вульгарная», которая исследует только лежащие на поверхности явления без проникновения в их суть, без поиска объективных (в данном случае марксистских) законов.

Третья причина, связанная с двумя предыдущими, состояла в осознании отечественными экономистами после победы социалистической революции необходимости разработать собственное экономическое учение. Марксистская политическая экономия занималась преимущественно исследованием капиталистических обществ. Поэтому она не была достаточной в российских условиях, где «капитализм был побежден». Исследование нового типа социалистического накопления, социалистических форм собственности и соответствующих производственных отношений при изменении старой материально-технической основы в готовящейся к индустриальному рывку стране привело к развитию «политической экономии социализма» (понятие введено Николаем Вознесенским в 1931 г.), как пишет (Дафермос, 1995). В основу экономической теории социалистического общества также положено учение о диктатуре пролетариата, под руководством Коммунистической партии призванного обеспечить «победу социалистических элементов» (Островитянов, 1972. С. 83). Новая наука заявила о себе как практически необходимая и идеологически полезная, поскольку она была направлена на изучение особенностей того способа

¹¹ Взгляды некоторых российских экономистов 1920-х гг., причисляемых к последователям социально-институционалистского направления, но находившихся в эмиграции, прежде всего П. Б. Струве (Ипполитов, 2008. С. 46), в настоящей статье не анализируются.

производства, который формировался в молодой советской стране.

Политическая экономия социализма становится мейнстримом в СССР, а другие экономические науки, не изучающие советский строй, составляют необходимую, но периферию. Среди них находились так называемая «буржуазная политическая экономия», объединявшая в те годы основные направления западной (прежде всего) экономической теории, а также «история экономической мысли». Первоначально (традиционный) институционализм был представлен в СССР именно в рамках этих направлений.

Как же в этих условиях воспринимались идеи институционального направления в экономической теории?

Одно из первых упоминаний об американском институционализме Т. Веблена можно найти в работах Израиля Блюмина, советского экономиста и историка экономических учений. В своей фундаментальной работе «Субъективная школа в политической экономии» (Блюмин, 1928), посвященной иным концепциям, он, тем не менее, зафиксировал рост влияния институционализма после Первой мировой войны как теоретической альтернативы маржинализму. При этом в одной из сносок он причисляет институционализм к «эмпирическим школам». Однако в своей работе 1930 г., посвященной характеристике социального направления в буржуазной теоретической экономике (Блюмин, 1930), автор уже не просто упоминает, а отчетливо клеймит буржуазного экономиста Веблена за его «оправдание частной собственности и апологию капитализма» (цит. по: Блюмин, 1961. С. 172). Блюмин полагал, что американский институционализм родственен «социальному направлению»¹², которое «является таким же реакционным направлением, как и другие вульгарные направления буржуазной политической экономии» (Блюмин, 1961. С. 173).

В дальнейшем Блюмин подверг взгляды американских институционалистов, прежде всего Т. Веблена и Дж. Коммонса, более тщательному, но не менее критическому рассмотрению. Основная полемика с их взглядами велась Блюминым по следующим двум направлениям. Во-первых, по поводу отказа институционалистов от важнейших марксистских аналитических категорий, описывающих развитие общества, и замене их иными «ненаучными» категориями. Во-вторых, институционалистам вменялась апологетика (защита) американского монополистического капитализма под флагом реформизма, то есть «возможность разрешения мирным путем антагонистических противоречий капитализма» (Блюмин, 1962. С. 342) и построение «разумного капитализма» (по выражению Коммонса).

Несовпадение и даже противоречие институционализма с марксизмом¹³, который в СССР был парадигмальным образцом анализа общественного и экономического развития, Блюмин усматривал по следующим позициям:

- трактовка социальных отношений в идеалистическом духе (когда решающая роль принадлежит праву, сложившимся привычкам и моральным факторам, политике «буржуазного государства»), а не в материалистическом, связанном с изменениями в базисе, т.е. в средствах производства (Блюмин, 1962. С. 339). Так, он указывал, что Коммонс относит право, которое в марксистской терминологии является надстройкой (Блюмин, 1962. С. 348), к решающему звену экономического развития (а сделку - исходно юридическую категорию, - рассматривает в качестве элементарной формы экономической деятельности), в то время как марксизм ведущую роль отводит экономическому базису и преобразованиям непосредственно в сфере производства;

- недооценка сознательного фактора в социальных действиях (прежде всего в действиях рабочего класса) и подчеркивание роли инстинктов, привычек, обычаев,

¹² К «социальному направлению» И. Г. Блюмин относил германских экономистов Р. Штаммлера, Р. Штольца, А. Аммана и К. Дили, а также австрийского экономиста О. Шпанна.

¹³ Блюмин иронически отнесся к попыткам американского экономиста А. Харриса причислить К. Маркса к институциональному направлению, а именно, к его разновидности, «основанной на учении о классовой борьбе» (Блюмин, 1962. С. 337).

подсознательных мотивов и др., т.е. замена марксизма социальным дарвинизмом (например, теория о роли инстинктов Веблена);

- представления о том, что не рабочий класс, а интеллигенция призвана играть руководящую роль в общественном развитии (со ссылкой на работу Веблена «Инженеры и система цен», в которой он призывает к созданию «совета техников» из инженеров и экономистов-производственников для освобождения от господства бизнесменов), т.е. отрицание роли диктатуры пролетариата;

- призыв к правительственному контролю над экономикой, что фактически скрывало реальное подчинение органов государственных структур капиталистическим монополиям: «основной смысл институционализма Коммонса состоит в подведении «теоретической базы» под требования монополистического капитала о максимальном использовании в своих интересах подчиненного ему буржуазного государственного аппарата» (Блюмин, 1962. С. 347);

- противопоставление марксистской диалектике «плоского и вульгарного эволюционизма», который отрицает революционные скачки в историческом процессе. Используя эволюционный метод, институционалисты «пытаются утешить рабочих иллюзиями, что современный капитализм совершенно не похож на капитализм в прошлом,... он свободен от недостатков и противоречий, свойственных старому капитализму» (Блюмин, 1962. С. 341);

- отрицание институционалистами теории классов и классовой структуры (выделение социальных групп не по месту в общественном производстве, а по «видам деятельности»), соответственно, игнорировалась роль классовых интересов и классовой борьбы; цель институционализма – «отвлечь народные массы от борьбы за их подлинные классовые интересы, затуманить их классовое самосознание» (Блюмин, 1962. С. 343).

Если отмеченные возражения Блюмина носили отчетливо выраженный идеологический характер, а потому могут восприниматься как недостаточно убедительные, то иные из его оценок институционализма оказались весьма точными и сохранили свое значение до сих пор. Среди них, во-первых, указание на расплывчатость самого понятия «институт» и то, что разные представители институционализма вкладывают в него неодинаковое содержание (Блюмин, 1962. С. 337). Это, как отмечал Блюмин, затрудняло теоретическую классификацию и обработку множества собираемых институционалистами эмпирических данных (позже именно этот факт привел к развитию нового институционализма, как уже было отмечено выше). Во-вторых, Блюмин подчеркивал историческую взаимосвязь между изменившимися условиями и потребностью в новом их осмыслении. Справедливо его указание на связь институционального направления с новыми тенденциями в развитии капиталистического общества: ростом концентрации капитала и роли монополий, изменением роли банковского сектора, ростом профсоюзного движения, относительным усилением роли коллективных (социальных) интересов по сравнению с индивидуальными. На мой взгляд, этот факт обусловленности теорий обстоятельствами времени их возникновения весьма полезно иметь в виду, заимствуя те или иные концепции.

Работы институционалистов не были переведены в то время на русский язык. Их критика Блюминым не содержала полного изложения взглядов критикуемых авторов и не имела целью обогатить отечественную науку новыми на то время экономическими разработками или отдельными идеями. В этом нашла свое выражение, на мой взгляд, недостаточность той самой «срединой утилитаристской культуры», о чем, вслед за Н. Бердяевым, писал А. С. Ахиезер.

Блюмин отмечал, что период наибольшего влияния (старого) институционализма включал период 1920-30-х гг. Затем ему на смену как доминирующей за пределами маргиналистской экономики доктрины приходит кейнсианство - основная книга Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» вышла в 1936 г.

Общий негативный фон восприятия идей институционализма в нашей

стране сохранялся несколько десятилетий. Показательной является характеристика зарубежных институционалистов в Большой советской энциклопедии 1953 г. как «наиболее зловредных врагов рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии» (*Большая советская энциклопедия, 1953. С. 239*). В посмертном издании работ И. Г. Блюмина начала 1960-х гг. также сохранены сделанные им ранее критические оценки и подтверждено неприятие для СССР институционального направления в экономической теории. Основная причина была связана с тем, что это направление теоретически обосновывало и обеспечивало дальнейшее развитие капитализма (*Альтер, 1948*), т.е. состояло «на службе империалистической экспансии» (*Альтер, 1961; 1971*). Поэтому и в последующем издании Большой советской энциклопедии 1969-1978 гг. институционализм продолжали называть «вульгарным течением в американской буржуазной политической экономии» (*Афанасьев, 1972. С. 296*).

Тем не менее, советские исследователи продолжали следить за развитием институционального направления за рубежом в рамках учебной и научной дисциплины «критика буржуазной политической экономии». Среди них, кроме упомянутых И. Г. Блюмина, Л. Б. Альтера и В. С. Афанасьева, отметим К. Б. Козлову (*Козлова, 1987*), В. Д. Сикору (*Сикора, 1983*), а также С. Г. Сорокину. Сорокина стала автором первой монографии, посвященной исключительно анализу институционализма и его эволюции. Ее книга «Сценарии будущего или иллюзии прошлого?: Об институционализме как направлении буржуазной политической мысли» вышла в 1981 г.¹⁴ и содержала в себе наиболее полное изложение институциональных концепций и их критический разбор на тот период. Кроме того, в 1984 г. Сорокина написала объемную вступительную статью к первой вышедшей на русском языке работе Веблена «Теория праздного класса»¹⁵, где также подробно характеризовала современный ей институционализм. Именно поэтому тексты Сорокиной выбраны мною в качестве опорных для характеристики отношения советских экономистов к институционализму в 1970-1980-е гг.

Сорокина отмечала начавшийся в 1960-е гг. рост значимости институционального направления среди экономистов в мире (но не в СССР). Дополнительную роль в распространении, точнее, ренессансе институциональных идей сыграл экономический кризис 1974-1975 гг., поскольку он показал недостаточную эффективность кейнсианских концепций государственно-монополистического регулирования экономики. Поэтому популярность идей Кейнса, как и неоклассического направления в целом, падала, а идеи институционалистов приобретали новых сторонников: «институционализм стал одним из главных направлений современной буржуазной экономической науки» (*Сорокина, 1981. С. 3*). При этом объектом ее анализа, наряду с традиционным, становится новый институционализм, и именно с ним она связывает рост популярности институционального направления в экономической теории в целом. Также было отмечено, что институционализм вышел далеко за рамки США – кроме известных американских институционалистов Сорокина указывала на шведского экономиста Гуннара Мюрдаля, французского экономиста Франсуа Перру и многих других.

Советские читатели могли судить о распространении институциональных идей за рубежом и по другим фактам, приводимым в книге Сорокиной. Ею были отмечены создание в 1965 г. специальной ассоциации институционалистов в США со своим печатным органом, проведение международных специализированных конференций, издание фундаментальных трудов, посвященных новому институционализму и его вкладу в современную экономическую мысль, и т.д. Кроме

¹⁴ К моему удивлению, книга Сорокиной с характерной для советского периода критикой институционального направления была практически в том же виде дважды переиздана в 2011 г. (изд. 2-е. М.: Либроком, ЛКИ, КомКнига и изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС). По-видимому, выполненный автором анализ сохранил свое значение, и издатели ориентировались на наличие спроса на такого рода работу.

¹⁵ Как известно, полное название этой работы Веблена, вышедшей в США в 1899 г., таково: «The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions». В русском переводе вторая часть названия не фигурировала – экономические исследования институтов еще не были приняты в СССР.

того, в книге гораздо полнее, чем когда-либо ранее, были представлены взгляды и теоретические достижения наиболее важных и популярных на тот момент представителей институционализма – от Веблена, Коммонса и Митчелла до Джона К. Гэлбрейта и Роберта Л. Хейлбронера.

Анализируя институционализм как эволюционное направление в экономической теории, Сорокина смещает ранее поставленные акценты. В ее изложении эволюционизм выступает скорее как позитивная особенность институционализма. В то же время она отмечает и недостаток только эволюционного подхода, что наглядно видно из следующей цитаты:

«Институционализм выступает как эволюционное направление; его представители акцентируют социально-экономические изменения, "феномен развития", стремятся к динамическому анализу. Эволюционный характер теории наглядно проявляется в анализе механизма общественного развития. Институционалисты констатируют противоречие между постоянно изменяющейся средой и обладающей значительной инерцией, консервативной институциональной структурой общества, сформированной в результате развития в условиях прошлого... Но институционалисты не рассматривают специфику собственно экономического развития; они исключают из анализа революционные изменения и игнорируют важнейший источник общественного развития - противоречие между двумя сторонами способа производства» (Сорокина, 1981. С. 7)¹⁶.

Можно видеть, что, как и ранее, непризнание революционных скачков в общественном и экономическом развитии (т.е. отрицание социалистической революции в странах капитализма) оставалось важнейшей причиной неприятия институциональных идей в СССР.

Судя по обобщающей монографии Сорокиной, в 1980-е гг. критический анализ институционализма продолжился и по другим ранее обозначенным направлениям, хотя риторика при этом была существенно смягчена, а отрицание тех или иных позиций сопровождалось указаниями на некоторые их положительные стороны. Институционалистов по-прежнему упрекали в

- неопределенности понятия институт и в связи с этим «аморфности теоретических установок идеологов институционализма»;
- идеалистической трактовке общественных и экономических структур, т.е. игнорировании базисной роли экономических производственных отношений;
- «технологическом детерминизме», когда недооценивается специфика отношений собственности;
- защите капитализма, пусть и при условии «социального контроля»; в утопических взглядах на возможную благотворную трансформацию капитализма в соответствии с современными потребностями буржуазии посредством различных реформ: поскольку «все эти варианты предполагали сохранение капиталистической формы собственности на средства производства, то рекомендации институционалистов следует охарактеризовать как буржуазно-реформистские» (Сорокина, 1981. С. 10);
- недооценке роли рабочего класса и рассмотрении интеллигенции и технократов как основных субъектов общественного развития и др.

В результате вновь был подтвержден вывод о том, что «институционализм явился одним из течений вульгарной политической экономии» (Сорокина, 1981. С. 8). Таким образом, в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС (1981 г.) усилия в области общественных наук по-прежнему были сосредоточены на «критике антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачении фальсификаторов марксизма-ленинизма» (*Материалы XXVI съезда КПСС, 1981*), что сдерживало возможность плодотворного обмена идеями между советскими и зарубежными экономистами.

¹⁶ Мне трудно судить о том, была ли убеждена ли автор в том, что это действительно «порок» институционализма, или ей было необходимо «сделать реверанс» в сторону продолжающей доминировать официальной марксистской идеологии.

Тем не менее, в работах советских исследователей западной экономической мысли 1980-х гг. уже обнаруживается уменьшение негативной тональности в отношении к институционализму. На представленном рисунке это отражается в восходящем характере траектории отношения к институционализму от его агрессивно-негативного восприятия к более нейтральному.

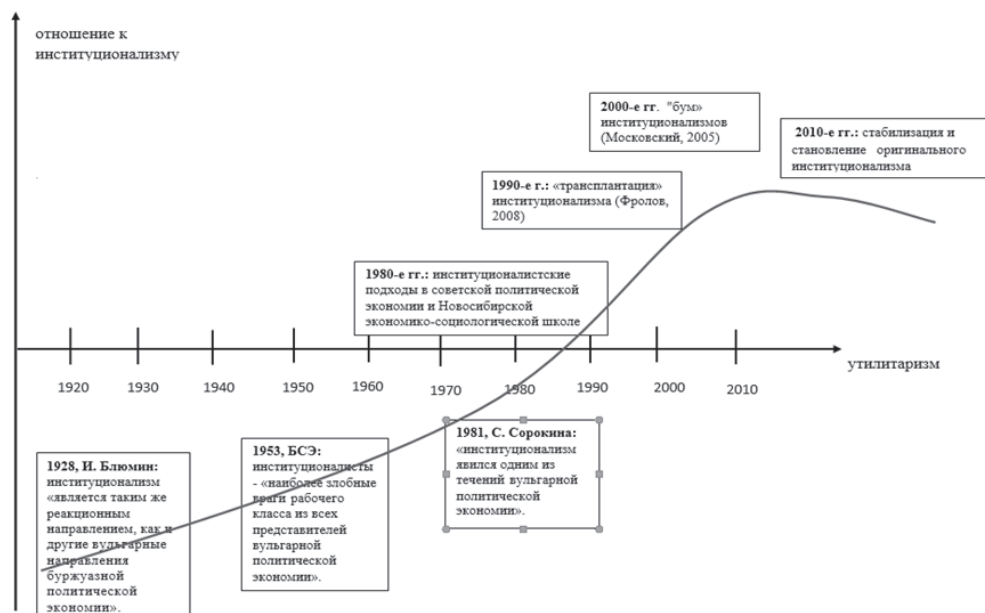

Рис. 1. Инверсионный цикл отношения к институционализму

Это выразилось не только в более сбалансированном анализе взглядов зарубежных институционалистов, но также в издании в СССР важнейших работ представителей данного направления. Одной из первых стал выход уже упомянутого издания книги главного теоретика старого институционализма Веблена «Теория праздного класса» в 1984 г.¹⁷ В аннотации к этой работе отмечалось, что взгляды Веблена противоречивы и содержат в себе «мелкобуржуазное прожектерство и утопизм». Тем не менее, акцент был сделан на том, что «автор выступал с резкой критикой капитализма, финансовой олигархии, праздного класса». Такая констатация оправдывала перевод его работы для знакомства с нею не только «специалистов в области буржуазных экономических теорий», но и иных «научных работников и преподавателей общественных наук».

2. Институционалистские подходы в трудах советских ученых 1980-х гг.

Работа по вычленению институциональных идей в трудах советских политэкономов была в свое время проделана Олегом Иншаковым и Даниилом Фроловым в их объемном труде «Институционализм в российской экономической мысли» (Иншаков и Фролов, 2002). Основная мысль, развиваемая авторами, состояла в том, что институциональный подход всегда был характерен для российской экономической науки и даже донаучных форм общественного мышления. Для обоснования своей идеи Иншаков и Фролов анализируют «концепции и взгляды мыслителей, проекты и документы государственных деятелей, а также их влияние на совершенствование практики российского хозяйствования» (Иншаков и Фролов, 2002. Т. 2. С. 3). В своей интерпретации изучаемых трудов и событий, в том числе и

¹⁷ Интересно, что если перевод работы институционалиста Веблена был осуществлен лишь через 85 лет после выхода оригинала, то основополагающий труд Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» был впервые переведен и опубликован в СССР всего через 12 лет после выхода в издательстве "Palgrave Macmillan" - уже в 1948 г.

советского периода, они каждый раз вычлениают то, что полагают возможным отнести к институционализму, пусть даже сами разработчики тех или иных концепций никогда не связывали свои взгляды с институциональным направлением в экономической мысли. Посредством проведенного анализа, как полагают Иншаков и Фролов, им удалось восстановить преемственность «этапов развития российского институционализма» (Иншаков и Фролов, 2002. Т. 2. С. 4).

С такой точкой зрения трудно соотнестись, поскольку корректного, на мой взгляд, определения того, что представляет собой «российский институционализм», авторы не дают. Кроме того, в тот период, о котором идет речь в настоящем разделе статьи (и который также проанализирован в работе Иншакова, Фролова), в СССР отсутствовала самоидентификация каких-либо ученых или научных школ в качестве институционалистов. Поэтому, на мой взгляд, ситуация была не столь однозначной, как указывают Иншаков и Фролов в своей кропотливой работе.

Во-первых, отметим, что сам термин «институционализм» в экономической теории (несмотря на постоянную критику расплывчатости и нечеткости используемых в нем категорий) является достаточно определенным. Эта определенность состоит в том, что очерчен круг изучаемых в рамках направления тем, обозначен предмет исследования, представлена оригинальная методология и разработаны получившие популярность и поддержанные в научном сообществе институциональные концепции и теории. Также, - и это один из важнейших признаков для характеристики того или иного направления, - известен круг конкретных персон, относимых к институционализму, и действуют профессиональные ассоциации, объединяющие сторонников институционализма. В мировой экономической науке сложился определенный консенсус по поводу всех отмеченных элементов, составляющих содержание данного направления, объединяющего в себе старый и новый институционализм, а также иные его разновидности, и это отражено не только в обширной научной литературе, но также в курсах лекций и в специализированных словарях по экономической теории. То, что авторы называют российским «институционализмом», не соответствует этим общепринятым критериям.

Во-вторых, особенность экономической науки в СССР состояла в разделении направлений не только по изучаемым предметам, но и по степени взаимодействия с мировой наукой. Так, «окно во внешний мир» было открыто прежде всего для специалистов, изучающих образцы буржуазной политической экономии. Но эти исследования носили описательный и преимущественно критический характер¹⁸. Возможно, некоторых из этих исследователей, изучавших институциональное направление в экономической теории, можно было бы условно отнести к «институционалистам», точнее «критическим институционалистам», но и то с большей долей условности. Основная же масса советских теоретиков работала в сфере политической экономии социализма и в силу своей специализации не была достаточно осведомлена о критикуемых, и соответственно, не годящихся для внутреннего использования, достижениях мировой экономической мысли. Институционализм, как было показано ранее, был среди них.

В-третьих, - и это представляется наиболее важным с методологической точки зрения, - развитие институционального подхода в советской политэкономии наталкивалось на специфические концептуальные трудности¹⁹. Как известно, принятая в СССР аналитическая модель общества как общественно-экономической формации, предложенная Марксом и адаптированная Лениным, базировалась на категории способа производства. Последний представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. Именно их взаимодействие обеспечивает развитие, а затем смену общественно-экономических формаций в ходе

¹⁸ В данном случае мы не говорим о «страновых» исследованиях экономик социалистических стран, которые, в соответствии с поставленными перед ними целями, имели в основном описательный и аналитический характер.

¹⁹ Такого рода трудности в меньшей степени препятствовали обмену идеями между представителями, например, отраслевых экономик или экономико-математических исследований, начавших развиваться в СССР еще в 1920-е гг.

революций. При этом примат определенно закреплялся за производительными силами, которые, развившись, меняют отжившие производственные отношения на новые, соответствующие их новому качеству. То есть по Марксу в основе смены одной формации другой, более прогрессивной, лежит несоответствие развивающихся производительных сил – играющих роль локомотива истории, движущих сил исторического развития, - характеру устаревающих производственных отношений. Это положение было закреплено во всех советских учебниках по политической экономии социализма, начиная с первого. «На известной ступени своего развития производительные силы перерастают рамки данных производственных отношений и вступают с ними в противоречие. ...В силу этого старые производственные отношения раньше или позже сменяются новыми производственными отношениями, соответствующими достигнутому уровню развития и характеру производительных сил... Экономическим законом развития общества является закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил» (*Политическая экономия, 1953. С. 10*).

Эта базовая категория экономического анализа создавала препятствия для развития институционального подхода как в рамках самой политэкономии социализма, так и для заимствования и абсорбции идей старого институционализма²⁰, развиваемых извне. Дилемма производительных сил и производственных отношений не оставляла институтам места, поскольку неясно было, относить их к базису или надстройке, или к обоим одновременно, - но последнее означало бы ревизию марксистского подхода.

Тем не менее, с начала 1980-х гг. некоторые советские ученые стали осторожно предлагать новые понятия, не вписывающиеся в «прокрустово ложе» конструкции производительных сил и производственных отношений. Например, такой категорией выступили организационно-экономические отношения, предложенные Леонидом Абалкиным в его работе «Диалектика социалистической экономики» (*Абалкин, 1981*). Как полагают Иншаков и Фролов, это была одна из попыток встроить в категориальный аппарат политической экономии социализма понятия институционализма. Они отмечают, что Л. И. Абалкин «фактически вводил в свою концепцию хозяйственного механизма некоторые институциональные элементы (например, роль конкретных форм институциональной организации, специфику принятия решений хозяйственными субъектами, правовых норм, принятых в данном обществе, менталитета и др.), отражавшие специфический характер хозяйственной системы ... социализма» (*Иншаков и Фролов, 2002. Т. 2. С. 206*). Интерпретируя тексты Абалкина, Иншаков и Фролов утверждают, что в его понимании институты выступают интегральным звеном экономического базиса общества. Включая институты в предмет политэкономического анализа, Абалкин отмечал, что «происходит абстрагирование от надстроечных сторон или аспектов в их деятельности, вычленение их базисного содержания и функций» (*Абалкин, 2000. Т. 1. С. 307*).

На мой взгляд, сложная внутренняя структура организационно-экономических отношений как своего рода института была Абалкиным лишь намечена. Тем не менее, в этой классификации «первого приближения», как он сам ее называл, уже были обозначены некоторые важные положения. Так, Абалкин предложил разделять социальные и хозяйственные отношения, с одной стороны, и организации, - с другой. Годы спустя такое разделение, предложенное и тщательно проанализированное нынешним Нобелевским лауреатом по экономике Д. Нортон, было воспринято в мировой науке как важное продвижение в понимании институциональной структуры.

Однако, насколько можно судить по дальнейшим публикациям Л. И. Абалкина, он не стал развивать институционалистский подход (на мой взгляд, этот термин лучше соответствует тому, что пытался делать Абалкин) в своих

²⁰ Неприятие идей нового институционализма было связано с тем, что он в явном виде оперировал категориями функционирования рынков, которые советской политэкономией социализма не изучались.

работах, хотя позже активно поддерживал развитие институциональных исследований в постсоветской России²¹.

Если политическая экономия социализма в силу отмеченных выше особенностей была «закрыта» для идей институционализма, то советская социология обладала большей методологической свободой. В 1971 г. в журнале «Коммунист», который являлся официальным органом ЦК КПСС, была опубликована статья, определившая степень возможной автономии социологических исследований по отношению к доминировавшим марксистским подходам в советском обществоведении. В статье «Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия» (*Глезерман, Келле и Пилипенко, 1971*) была представлена трехуровневая концепция социологии, которая была официально признана. В соответствии с этой концепцией верхним уровнем социологического знания являлась общесоциологическая теория как философская наука (исторический материализм); на втором уровне были частные социологические теории, полагавшиеся тогда разделами научного коммунизма, т. е. также частью советской философии; на третьем уровне располагались конкретные социологические исследования.

В результате сформировался определенный компромисс, позволивший советским ученым заниматься социологическими исследованиями «на нижнем уровне» без жесткой привязки к официальным доктринам. Как много позже писал Владимир Ядов, целью этой (и не только этой) статьи, в частности, было доказать, что социология не находится в противоречии с марксистской философией и марксистским мировоззрением (*Ядов, 1990. С. 3*). Поэтому такое разделение способствовало развитию социологических исследований на всех трех отмеченных уровнях, но, прежде всего, на уровне конкретной социологии. Именно тогда наметилось определенное «разделение труда» между «социологами от философии», которые работали преимущественно на верхних уровнях социологического знания, связанного с доминировавшими философскими подходами - историческим материализмом и научным коммунизмом, - и социологами, занимавшимися конкретными социологическими исследованиями «на нижнем уровне», среди которых значительную долю стали составлять экономисты. «Конкретные социологи», сконцентрировавшиеся не на теоретических дискуссиях, а на полевых исследованиях, статистическом анализе и социологических опросах, были ближе к жизни и дальше от официально господствовавших доктрин, что давало им определенные простор и свободу. Эта свобода выражалась как в поиске и конструировании необходимых концепций для обобщения собираемых эмпирических данных и анализа результатов, так и в «проверке на прочность» доминирующих концепций советского обществоведения, т.е. их соответствию реально наблюдаемым фактам.

Об уровне этой свободы можно судить по так называемому «Новосибирскому манифесту»²² 1983 г.

²¹ Так, Л. И. Абалкин был ответственным редактором монографии А. Н. Нестеренко «Экономика и институциональная теория», вышедшей в изд-ве «Едиториал УРСС» в 2002 г. Он выступил одним из учредителей Московской региональной общественной организации «Центр эволюционной экономики», обеспечившей перевод и издание в России работ крупнейших представителей институционального направления. Также с 1994 г. и до конца своих дней Абалкин был одним из основных организаторов пушкинских симпозиумов, многие годы бывших главной площадкой в России для обсуждения результатов институциональных исследований в стране и за рубежом, и т.д.

²² «Новосибирским манифестом» был назван доклад Т. И. Заславской «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии». Он был подготовлен для состоявшегося в новосибирском Академгородке 8-10 апреля 1983 г. всесоюзного семинара, где обсуждался исследовательский проект «Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)» отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭиОПП СО АН СССР). Заславская много лет была руководителем этого отдела. Доклад был издан ограниченным тиражом в 100 экз. с грифом «Для служебного пользования» и роздан участникам семинара. Позже несколько экземпляров доклада неизвестным образом попали за рубеж. Там доклад, получив название «Новосибирский манифест», был переведен на английский и другие языки, опубликован в «Washington Post» в США, регулярно транслировался радиостанциями ФРГ на советскую аудиторию и т.д. Мне тогда довелось не только послушать выступления самой Татьяны Ивановны и участников, но и по мере сил поучаствовать в подготовке семинара, куда меня привлекли как аспирантку Заславской, включенную к тому же в исследования отдела социальных проблем.

Его автор Татьяна Заславская²³, известный к тому времени социолог, действительный член Академии наук СССР (избранная по отделению экономики) и руководитель отдела социальных проблем в ИЭиОПП СО АН СССР, написала: «сложившаяся в СССР система производственных отношений отстала от роста производительных сил и начала тормозить их дальнейшее развитие» (Заславская, 2007. С. 525). Данный вывод, марксистский по форме и содержанию, но идеологически неприемлемый в советских условиях, был тщательно обоснован материалами многочисленных социологических экспедиций, результатами анализа социально-экономической информации с помощью разнообразных количественных и качественных методов обработки данных, статистическими сопоставлениями и др. Именно этот вывод, как вспоминала позже Заславская, руководство Сибирского Отделения АН СССР настоятельно просило ее удалить из доклада, чего она не сделала (Заславская, 2007. С. 525).

Руководимый Заславской научный коллектив социологов, известный позже под именем Новосибирской экономико-социологической школы, или НЭСШ (Davydova, 1997; Иванов, 2003), часто называли «социальными экономистами»²⁴. Здесь с 1982 г. институты стали элементом развиваемой в коллективе концепции «социального механизма развития экономики» (Заславская, 1985; Заславская и Рывкина, 1991), а также базирующихся на ней исследований. Анализ этих разработок дает основания считать их одной из первых реальных и осознанных попыток применения элементов институционалистского подхода в СССР.

В исследованиях коллектива НЭСШ под социальным механизмом развития экономики понималась устойчивая система поведения социальных групп, регулируемая, с одной стороны, социальными институтами, а с другой - социально-экономическим положением этих групп в социальной структуре. Данное определение разворачивалось в теоретическую схему (Заславская и Рывкина, 1991. С. 59-61), блоки и элементы схемы конкретизировались в системах индикаторов, которые затем использовались для аналитического описания исследуемого явления. «На выходе» авторы концепции стремились представить целостный и внутренне структурированный взгляд на развитие экономики как подсистемы общества, опираясь на данные эмпирических исследований, «обработанных» в русле предложенной теоретической схемы. Концепция социального механизма развития экономики использовалась и до сих пор продолжает использоваться как ее авторами (Заславская, 1995) и другими представителями НЭСШ (Шабанова, 2001), так и за пределами коллектива (Урбан, 2014).

Таким образом, для советских социологов, в отличие от экономистов, институты не были «запретной темой», поскольку изначально составляли ее предмет²⁵. Поэтому применение институционалистского подхода в рамках экономико-социологического коллектива не является случайным.

Также необходимо отметить оригинальный, не заимствованный характер институционалистского подхода Новосибирской школы. В тот период, когда в мировой экономической теории все явственнее проявлялись тенденции расширения сфер экономического анализа при убеждении, что «экономическая теория – это универсальная грамматика общественной науки» (Hirshleifer, 1985. P. 53), в НЭСШ, наоборот, для изучения экономических процессов использовались категории и методы анализа из других наук. Это были социология и философия²⁶. С этой точки

²³ Т. И. Заславская получила образование по специальности «политическая экономия» в Московском государственном университете, который окончила «с отличием». До переезда в Новосибирск (1963 г.) она работала в Институте экономики АН СССР, кандидатскую и докторскую диссертации также защитила по экономической специальности, позже занявшись социологическими исследованиями. Ее научная биография напоминает биографии зарубежных традиционных институционалистов, также сочетавших экономические и социальные научные интересы.

²⁴ Старый американский институционализм также, как известно, «обозначал направление, идейно близкое исторической школе (в ее современном для конца XIX века варианте), социологическим направлениям, а в некоторых моментах пересекающееся с тем, что принято называть социальной экономией» (Макашева, 2006. С. 419).

²⁵ Как писал Эмиль Дюркгейм еще в 1901 г., социологию «можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании» (Дюркгейм, 1990. С. 20).

зрения институционалистский подход Новосибирской школы 1980-х гг. тяготеет к старому институционализму, хотя и произрастает из собственных корней. Хронология и сопоставление работ членов НЭСШ показывают, что концепция социального механизма развития экономики стала естественным развитием предыдущих работ Т. И. Заславской и ее коллектива по системному исследованию социальных объектов.

Могу также предположить, что развитию институционалистских научных взглядов на «географической периферии» в Сибири, в новосибирском Академгородке, способствовали не только внутренние причины, такие как приверженность системному подходу, академический уровень научной квалификации сотрудников, свободная атмосфера в коллективе, стимулировавшая обмен идеями, и упорная работа «в поле», формирующая широкий «незашоренный» взгляд, позволявший улавливать следы действия институтов. Благоприятное значение имели и внешние факторы. Прежде всего, это активные контакты с зарубежными исследователями в ходе заграничных командировок - как вспоминала Заславская, ее московские коллеги удивлялись и говорили, что «у нас и доктора-то никуда не ездят, а у вас ездят менээсы» (Заславская, 2007. С. 480), непосредственное знакомство с оригинальной зарубежной литературой и приглашение западных ученых. Свою роль сыграла территориальная удаленность от центров политического контроля, а также особенности преимущественно «горизонтальной» организации научной и культурной жизни всего Академгородка в целом.

Однако рассмотренные примеры развития институционалистского подхода в трудах московских политэкономов или новосибирских эконом-социологов не меняют общей картины: институционализм в том виде, как он был известен в мировой науке того периода, не получил в СССР своего признания и, тем более, развития.

3. Современное состояние институциональных исследований в России, 1990-е - 2010-е гг.

Говоря о современном состоянии институциональных исследований в России, я буду иметь в виду постсоветский период. Его можно охарактеризовать как противоположную фазу инверсионного цикла распространения институционализма, когда знак «минус» резко сменился на «плюс», и это наглядно продемонстрировано на рисунке выше. В 1990-е гг. произошел резкий переход от критики и неприятия институционализма в экономической теории к взрывному распространению его идей в сообществе отечественных экономистов и университетских курсах как аподиктических, т.е. безусловно достоверных и неопровержимых. «Развитие отечественной экономической науки в начале XXI в. можно с полным основанием охарактеризовать как "бум" институционализма», - отмечает Фролов (Фролов, 2008. С. 130), посвятивший изучению данного направления не менее десятка своих работ.

В 2015 г. на запрос «институционализм» российская электронная база данных (научная библиотека) elibrary.ru выдает более 5 с половиной тысяч русскоязычных упоминаний в названиях публикаций, в аннотациях, ключевых словах, полных текстах публикаций и списках цитируемой литературы (см. табл. 1)²⁷. Первое десятилетие XXI в. характеризуется пока наиболее высокой частотой упоминания (46,3% от общего числа за весь проанализированный период) данного термина.

Кроме того, в последние годы «институционализм» все чаще выносятся в названия и ключевые слова публикаций (см. табл. 2).

²⁶ Розалина Рывкина, многолетний соавтор Заславской и относимая, наряду с ней, к лидерам-основателям Новосибирской школы (Бессонова и Шабанова, 2000), была философом. Ее подходы значительно обогатили своеобразный социологический институционализм НЭСШ.

²⁷ Для сравнения: на запрос «политэкономика» выдавалась всего 121 публикация.

Таблица 1

«Институционализм» в названиях публикаций, в аннотациях и ключевых словах, в полном тексте публикации (включая статьи, книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты), а также в списках цитируемой литературы

Период	Количество упоминаний	Доля упоминаний, %
До 2001	2005	35,7
2001-2009	2591	46,3
2010 – 10 марта 2015	1013	18,0
Всего	5609	100,0

Таблица 2

«Институционализм» в названиях публикаций, в аннотациях и ключевых словах

Период	Количество упоминаний	Доля упоминаний, %
До 2001	297	25,0
2001-2009	383	32,2
2010 – 10 марта 2015	510	42,8
Всего	1190	100,0

Данные табл. 2 показывают, что в период с 2010 г. упоминание этого термина в названиях, аннотациях и ключевых словах составляет почти 43%, что существенно выше, чем в предыдущие годы.

Если мы сопоставим не относительные, но также абсолютные данные табл. 1 и 2, то увидим подтверждение этой тенденции - число публикаций в последние несколько лет (с 2010 г.) с упоминанием «институционализма» составляет 1013, при этом в 510 случаях «институционализм» выносится в заглавие и ключевые слова (более половины). Для более ранних периодов это соотношение составляло не более 15%.

Это простое сопоставление показывает, что институционализм в России становится не только популярным направлением, но также объектом специальных исследований, и это выносится в заголовки посвященных ему работ. Поэтому в настоящей статье я не стану детально описывать уже проанализированные коллегами тенденции в развитии идей институционализма в России, ограничившись лишь общей схемой и адресуя читателя к известным работам, а сосредоточусь на относительно мало исследованных направлениях.

Пожалуй, общепризнанно, что основными причинами распространения институциональных идей в постсоветской России являются следующие. Во-первых, крах «реального социализма», наиболее четко обозначившийся после распада СССР, как и соответствующих ему экономических доктрин, спровоцировали поиск новых экономических теорий, адекватных развитию «российского постперестроечного капитализма». Поэтому изучающие капиталистическое общество институционалисты оказались в новых условиях не идеологическими противниками, но потенциальными теоретическими донорами. Во-вторых, открытость постсоветской России по отношению к глобальным рынкам, включая информационные рынки идей, обеспечила новые каналы, по которым достижения мировых экономистов, в том числе и в области институциональной теории, «пришли» в нашу страну. В-третьих, популярности институциональных теорий способствовало начало активного институционального строительства в нашей стране.

Поэтому в 1990-е годы институты, наконец, становятся «законным» объектом научного интереса для российских экономистов. Но институциональный подход был заимствован ими не из отечественной политэкономии или экономической социологии, где он был лишь намечен, а пришел на волне активного освоения теоретических концепций институционалистов западных стран.

Основными способами распространения институционализма в России стали, во-первых, перевод и издание на русском языке монографий и сборников зарубежных институционалистов, во-вторых, разработка курсов по институциональной экономической теории и внедрение их в программы высших учебных заведений, что сопровождалось подготовкой необходимых учебных пособий и учебников. Здесь, как можно видеть, проявилось естественное разделение труда между академическими учеными, с одной стороны, и представителями вузовской науки и преподавания, - с другой.

Так, издание трудов известных к тому времени мировых институционалистов сначала осуществлялось в основном «с подачи» членов академического сообщества. Одной из первых была переведена и издана книга Д. Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1997), что было осуществлено командой сотрудников Института экономики РАН (наиболее важную роль сыграли Л. И. Абалкин, А. Н. Нестеренко, В. И. Маевский и Б. З. Мильнер). Эта работа Норта многие годы была настольной книгой для большинства отечественных экономистов. Затем Центр эволюционной экономики, созданный по инициативе крупнейших экономистов-академиков РАН, организовал совместно с издательством «Дело» выпуск серии «Современная институционально-эволюционная теория» для популяризации наиболее известных в этой области зарубежных работ. Были изданы сборник «Природа фирмы» под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера (2001); книга Ричарда Нельсона и Сиднея Дж. Уинтера «Эволюционная теория экономических изменений» (2002)²⁸; работа Джеффри Ходжсона «Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной теории» (2003), классические работы Фрэнка Найта «Риск, неопределенность и прибыль» (2003) и Т. Веблена «Теория делового предприятия» (2007) и т.д. Позже перевод и издание трудов институционалистов продолжились уже в рамках университетов, где стали работать многие представители академической науки. Отмечу сборник «Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса» (М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006), где впервые была опубликована на русском языке классическая работа Т. Веблена 1898 г. (!) «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной».

Что касается разработки учебных пособий и учебников, то в этом направлении наиболее активными были представители вузовского (университетского) сообщества. В своей статье 2007 г. «Как учат институционализму в России» Фролов указывает лишь на одно учебное пособие (2001) и один учебник (2005), подготовленные в рамках Российской академии наук – оба под ред. академика Д. С. Львова (*Львов, 2001*). Остальные учебные материалы разрабатывались преподавателями образующих с 1999 г. кафедр институциональной экономики. Решение о создании сети таких кафедр было принято на Общем собрании РАН от 25 марта 1999 г. (*Сеть кафедр..., 1999*). Первое серьезное учебное пособие (*Литвинцева, 1999*), как и первый словарь по институциональной экономике (*Литвинцева, 2001*), были изданы в Новосибирске. Также уже в 1999 г. журнал «Вопросы экономики» стал публиковать главы учебно-методического пособия «Институциональная экономика», подготовленного Антоном Олейником (г. Москва).

В эти годы, кроме переводов и учебников, стали также выходить статьи российских авторов по институциональной экономике в научных журналах, проводились конференции и симпозиумы, были созданы специализированные

²⁸ Эта работа, являющаяся сегодня классикой в области институционально-эволюционной теории, в 2000 г. была также издана в издательстве «ЗАО «Финстатинформ», г. Москва.

профессиональные ассоциации и т.п. (подробнее см. *Иншаков и Фролов, 2002; Макашева, 2006; Нуреев и Дементьев, 2005; Фролов, 2002; 2003; 2008; Левин, 2014; Кирдина, 2004* и др.).

Если для большинства российских экономистов институционализм стал «открытием» или модой, то историки экономической мысли продолжали исследования зарубежного институционализма в рамках своего предмета. Что же они констатировали? Во-первых, на новом уровне были обозначены ограничения старого институционализма: «намеченную исследовательскую программу Веблену и его последователям выполнить не удалось» (*Ананьин, 1999. С. 61*). Это связывалось, прежде всего, с размытостью понятия «институт» и неразработанностью методов, позволяющих однозначно вычленять институты для их последующего изучения (*Ананьин, 1999. С. 61*). Во-вторых, были подчеркнуты методологические различия старого и нового институционализма. В частности, старый не был столь близок к эволюционной парадигме, как второй, несмотря на заявленные амбиции (*Ананьин, 1999. С. 61*). Кроме того, новый институционализм базировался на принципе методологического институционализма и рациональности экономических агентов (*Макашева, 2006. С. 420*), что определило его родство с ортодоксией и обеспечило, в конечном счете, интеграцию с неоклассическим мейнстримом. Поэтому «вряд ли есть смысл говорить о какой-то общей институциональной парадигме» (*Макашева, 2006. С. 422*). В-третьих, после старого и нового институционализма в зарубежных исследованиях была зафиксирована его «третья волна», связанная с когнитивно-культурным поворотом (подробнее см. *Ананьин, 2013. С. 33-36*). Этот мировой контекст необходимо иметь в виду при анализе развития институционализма в постсоветской России.

Также важно подчеркнуть, что становление институционального направления в нашей стране отличалось от того, как это имело место в странах его происхождения. Если в США и Европе институционализм наследовал традиции исторической школы и был направлен первоначально на преодоление внеисторической и механистической трактовки экономической деятельности в ортодоксальной теории (*Ходжсон, 1997*), то в постсоветскую Россию институционализм пришел уже вместе с экономическим мейнстримом как его органическая часть. Кроме того, он пришел на поле, «расчищенное» от господствовавших ранее марксистских политэкономических концепций. Происходило не «выращивание» (если воспользоваться образной терминологией Виктора Полтеровича из его работ по анализу институтов) институционализма, а его «трансплантация», как охарактеризовал начальный этап распространения институционализма в постсоветской России Фролов (2009), подробно рассмотревший связанные с этим проблемы. В дополнение к его анализу имеет смысл указать также на следующие факты.

Не секрет, что «трансплантации» институционализма содействовали различные международные, американские и европейские структуры. Так, на первом этапе в 1990-е гг. значительную финансовую поддержку изданию на русском языке работ зарубежных институционалистов и подготовке первых университетских учебников на всей территории России оказывали зарубежные фонды и организации (Фонд Сороса, Агентство международного развития США, Мировой банк, европейские научные фонды и др.). Они также активно финансировали контакты российских ученых с их зарубежными коллегами, включая участие россиян в заграничных конференциях, международные стажировки, проведение на территории России и стран СНГ научных мероприятий по институциональной проблематике. Ими финансировались десятки образовательных, исследовательских и издательских проектов, куда привлекались сотни специалистов из России и других постсоветских государств.

В те годы российская наука и образование, как и другие сегменты бюджетной сферы, вместе со всей страной переживали кризис недофинансирования. Поэтому материальная поддержка из-за рубежа была существенным подспорьем в

деятельности первых пропагандистов институционализма в нашей стране и в ряде случаев помогала выживать как научным коллективам, так и отдельным ученым. Однако такого рода спонсорство институционализма в России задавало вектор восприятия и приложения его основных идей, направляя наших ученых скорее на «догоняющий путь развития», чем на творческое развитие институционального подхода, в том числе и в рамках присущих российской экономической мысли традиций. Это – первая из особенностей «трансплантации» институционализма на новом этапе инверсионного цикла распространения его идей в России.

Во-вторых, эффект трансплантации выражался в том, что реципиенты институциональных идей – за исключением небольшого числа специалистов в области истории и методологии зарубежной экономической мысли – не обладали необходимыми знаниями и находились вне «институционалистской традиции». Это объясняет отмеченные специалистами фрагментарность и поверхностность восприятия институциональных идей в России и, соответственно, не критический характер заимствования новой привлекательной терминологии. «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе» (*Евангелие от Иоанна, 15, 4*), так и научные исследования малопродуктивны, если отсутствуют необходимые преемственность и кумулятивный эффект. Поэтому «бум» институционализма не мог не сопровождаться вульгаризацией его идей и даже привел, как полагают некоторые исследователи, к девальвации статуса институционализма как научного направления (*Московский, 2005; Фролов, 2008*) на определенном этапе.

В-третьих, идеи, концепции и инструментарий институционализма пришли в Россию такими, какими они были разработаны в других, отличных от наших, условиях. И если в СССР институционализм подвергался постоянной обструкции, при которой «вместе с водой выплескивали и ребенка», то в постсоветской России имела место другая крайность. Новые заимствованные теории и подходы часто стали использоваться напрямую и «в готовом виде», без необходимого освоения и анализа того, насколько они адекватны специфике России и характеру социально-экономического развития страны. Таким образом, третья особенность трансплантации состояла в том, что новая институциональная методология некритически применялась к анализу самого широкого круга явлений. Сложилась ситуация, при которой «метод анализа является определяющим по отношению к предмету» (*Макашева, 2006. С. 420*), что было характерно как для теоретических, так и прикладных работ в области институционального анализа²⁹.

Интересно отметить, что когда речь идет о трансплантации конкретных институтов, то добросовестные российские ученые обращают внимание на необходимость изучения их адекватности национальным условиям и возможным ограничениям применения в России. Наиболее глубокие разработки в этом направлении проводят В. М. Полтерович (*Полтерович, 2001; 2007*) и его коллеги (*Полтерович и Старков, 2007; Полтерович, Попов и Тонис, 2007*). Когда же речь идет о «трансплантации институционализма» с его теоретическими и аналитическими схемами, подобные вопросы практически не обсуждаются.

Наиболее распространенным аргументом в пользу целесообразности прямых теоретических заимствований является расхожее утверждение о том, что «наука универсальна и интернациональна». Однако, если для естественных наук это в большинстве случаев справедливо, то для социальных наук это утверждение постоянно дискутируется. Одним из недавних примеров является известная полемика об универсальной и национальных социологиях между двумя президентами (разных лет) Мировой социологической ассоциации Петром

²⁹ Использование «чужих» схем и методик приводит, как правило, к негативным выводам относительно характеристик институциональной среды в России. Так, по показателям международного проекта Governance Matters, использующего исключительно субъективные (perception-based) оценки институтов, «в последние два десятилетия качество институтов в России оставалось невысоким, а в ряде случаев продолжало ухудшаться» (*Polishchuk, 2013; Баранов и др., 2015*).

Штомпкой и Майклом Буравым (*Битва гигантов...*, 2011), которая продолжается уже на уровне глобального дискурса.

Моя позиция в таких спорах является компромиссной. Я полагаю, что социальные и экономические (в т.ч. и институциональные) теории в их функции нового *vision*, т.е. нового взгляда на изучаемое общество и его подсистемы, являются вполне универсальными, полезными и, как правило, идеологически нейтральными. Так, в институциональной экономике атрибутами этого нового взгляда являются такие универсальные категории, как институты, институциональный обмен, эффекты блокировки, рутины, демонстративное потребление, *path dependence*, *cumulative causality* и др. Они позволяют увидеть традиционные объекты исследования в ином ракурсе. Однако когда этот новый взгляд определенным образом фокусируется, чтобы улавливать конкретные закономерности и особенности, он не может не быть социально обусловленным. С этой точки зрения развитие, т.е. наполненные конкретным содержательным смыслом, теории и аналитические схемы теряют свою универсальность. Становится необходимым анализ релевантности их использования в изучаемых социальных контекстах и обсуждение того, в какой мере и насколько полно они отражают особенности тех социальных и экономических феноменов, для изучения которых применяются.

На нынешней фазе инверсионного цикла, характеризующего отношение к институционализму в нашей стране, такого рода критический анализ практически отсутствует. Он требует отдельного специального исследования, здесь же ограничусь одним соображением.

Рискну предположить, что современный институционализм из стран Большой четверки (США, Великобритания, Германия и Франция)³⁰ представляет собой последовательное продолжение «рыночного фундаментализма», угроза которого в экономической теории уже не одно десятилетие осознается все более широким кругом ученых. Среди них отмечают нобелевских лауреатов Лоуренса Клейна, Джеймса Тобина, Джозефа Стиглица и др. (*Ольсевич, 2004*). В этом смысле справедливо утверждение Роберта Хейлбронера о том, что экономическая наука западных стран с момента своего зарождения и по сию пору соответствует социальному порядку капитализма, она представляет собой свод знаний и убеждений прежде всего о нем (*Heilbroner, 1989, ch. 8*). О том же ранее писал американский отец-основатель экономической советологии Абрам Бергсон: «Современная наука вращена главным образом в Западной Европе и Соединенных Штатах, и, несмотря на тенденцию к универсальности, она несет на себе печать институтов и проблем, присущих именно этим регионам» (*Bergson et al., 1964*. Цит. по (*Элман, 2009. С. 5-6*)). Сошлюсь также и на Карла Поляни. Опираясь на результаты многочисленных исследований, он еще 40 лет назад в жесткой форме утверждал, что созданная Адамом Смитом теория экономики, в основании которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса - предложения - цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей самого автора «в данном случае Смита – С.К.» реальности (*Polanyi, 1977. P. 6-7*). Таким образом, и неоклассические, и институциональные теории с мирового рынка идей предназначены преимущественно для описания одного типа экономической системы, при которой жили и живут их создатели.

Однако в структуре экономики России, как и многих других незападных стран, институты рынка не имеют столь же доминирующего значения. В них существенная роль принадлежит институтам, которые исследователи обозначают как редистрибутивные (К. Поляни, Н. Стариков, С. Кирдина), как институты государства в роли выразителя общественного интереса (Р. Гринберг, А. Рубинштейн), институты раздаточной экономики (О. Бессонова), институты Х-экономики (Кирдина), институт централизованной власти-собственности (Р. Нуреев, Н. Стариков, Н. Плискевич, Ю. Латов) и т.п. Очевидно, что перечисленный набор

³⁰ Термин предложил Грегори Сандстром для обозначения стран-лидеров, доминирующих на глобальном рынке экономических и социальных идей.

объединяет неоднородные институты и включает взгляды ученых с несовпадающими теоретическими позициями. Но их объединяет то, что они направляют свои исследования не столько на анализ доминирующих в западных обществах институтов рынка, сколько на изучение институтов иной природы. В странах Большой четверки отмеченные институты не находятся в фокусе институциональных теорий³¹, в то время как в нашей стране накоплен значительный опыт в их изучении. Анализ этих институтов мог бы стать спецификой «российского институционализма», если иметь в виду такого рода перспективу. Прочитав в этой связи Олега Ананьина, который связывал неуспехи первой и второй волн зарубежного институционализма с трудностями выбора исследуемых институтов:

«Чтобы снизить уровень сложности бесконечно разнообразного мира экономических институтов, необходимо осуществить отбор тех из них, которые существенны с точки зрения рассматриваемой проблемы - теоретической или практической. У Веблена не было определенной стратегии такого отбора, и его исследовательская программа потерпела неудачу. Неоинституционалисты делают такой отбор на базе гипотез *ad hoc*, то есть без какой-либо теории в его основе, именно поэтому у них мало шансов создать внятную теорию институциональных изменений» (Ананьин, 1999. С. 60).

В нашем случае отбор исследуемых институтов диктуется самой природой российского общества. Доминирующие в его структуре институты «другой экономики» формируют специфическое исследовательское поле, на котором образованные и слаженно работающие российские институционалисты могли бы собрать хороший «научный урожай». Поэтому я склонна согласиться с Фроловым, призывающим к развитию институционализма «не за счет некритического копирования зарубежных концепций, а путем их переосмысления, адаптации и выдвижения новых оригинальных идей с учетом богатых традиций российской экономической мысли» (Фролов, 2007. С. 162). Развернутая полемика упомянутых выше исследователей (как и других российских ученых) между собой, а не только с зарубежными коллегами, возможно, могла бы содействовать развитию оригинального российского институционализма, о котором пока еще не приходится говорить³².

Такого рода диалог российских ученых, заинтересованных как в развитии теоретических концепций, так и в познании законов развития страны, где мы живем, мог бы составить основу медиации традиций российской экономической мысли и заимствуемого институционального подхода. В свою очередь, это могло бы способствовать формированию утилитарных концепций с тем, чтобы преодолеть, хотя бы в экономической науке, присущий «расколотому» обществу России инверсионный путь развития.

Росту зрелости институциональных исследований в России содействует, на мой взгляд, выпуск специализированного Журнала институциональных исследований (Journal of Institutional Studies), выходящего 4 раза в год и публикующего статьи на русском и английском языках. Также отмечу развернувшуюся на страницах журнала «Общественные науки и современность» методологическую дискуссию о перспективах «экономического империализма» и противостоящего ему «социального либерализма» (2011-2015 гг.): основную часть включенных в дискуссию авторов составляют специалисты, так или иначе «причастные» к институциональным исследованиям в экономике. Аналогичные вопросы ставятся на страницах журналов «Вопросы экономики», «Экономическая

³¹ Это не значит, что такого рода институты не изучаются. Во всех учебниках рассматривается регулирующая роль государства для заполнения «провалов рынка», институционалисты проводят посвященные им специальные исследования, например, «Рынки и иерархии» О. Уильямсона (Williamson, 1985) и др. Однако изучение подобных институтов не составляет «мейнстрим экономического мейнстрима».

³² В этой связи я не могу согласиться с Фроловым и его коллегой Иншаковым в их утверждении о том, что можно говорить об «эволюции российского институционализма» (Иншаков и Фролов, 2002; Фролов, 2003). На мой взгляд, в России не сложился пока оригинальный российский институционализм и, соответственно, не было его эволюции. Хотя, возможно, это несогласие обусловлено различием между нами в понимании содержания самих терминов.

наука современной России», «Экономист» и др. Такого рода дискуссии свидетельствуют о рефлексии методологических оснований проводимых исследований и, соответственно, осознанию специфики используемых подходов.

Известно, что «лицо» научных направлений определяется, помимо исследуемого предмета, особенностями используемой методологии. Разделяемая все большим числом российских исследователей неудовлетворенность принципом методологического индивидуализма, лежащим в основе экономических, в том числе институциональных концепций, способствует поиску альтернативных (иных, дополнительных) постулатов. На страницах отечественных изданий уже представлены и тестируются такие исходные предпосылки, как «методологический реализм» (Фролов, 2009), «методологический релятивизм» (Рубинштейн, 2012) и «методологический институционализм» (Кирдина, 2013). Дальнейшие дискуссии и время покажут их релевантность. В перспективе именно разработки оригинальных институциональных концепций отечественных ученых, опирающихся на обновленные методологические принципы, позволят, на мой взгляд, сформировать для российского институционализма «лица необщее выражение» (Евгений Баратынский).

4. Выводы и дискуссия

В 2000 г. Дэвид Коландер, говоря об экономической политике третьего тысячелетия, заметил, что на смену политики «правильных цен» пришел «современный подход к политике, построенный на принципе «правильных институтов»» (Коландер, 2006. С. 390)³³. Другими словами, институциональные исследования в экономике давно перестали быть «чистой наукой», осознана их практическая необходимость. Поэтому так важно развивать это направление исследований в нашей стране.

Современные российские институционалисты, преодолев советское наследие жесткого неприятия институционального подхода в экономике, стали работать в нескольких основных направлениях (подробнее см. Кирдина, 2004). Первое направление, которое можно назвать просветительно-аналитическим, представляет отечественной аудитории важнейшие достижения мировой институциональной экономики – от теоретических концепций до аналитических схем и инструментов институционального анализа. Второе направление, тесно с ним связанное, – разработка учебных материалов по институциональной экономике, базирующихся, как правило, на мировых достижениях. Третье направление имеет преимущественно прикладной характер, когда категориальный аппарат и инструментарий институционального подхода используется для анализа феноменов российской экономики. Эти направления, которые составляют сегодня доминирующую группу современных институциональных исследований в России, объединяет опора на достижения зарубежных институционалистов. Основным результатом работы исследователей в трех отмеченных направлениях стало признание институционализма как конвенционального и перспективного раздела современного экономического анализа (в теории и на практике) в нашей стране, в отличие от его отрицания в период с 1930-х до 1990-х гг.

Также среди отечественных институционалистов представлена другая группа исследователей. В той или иной мере опираясь на мировые достижения, они пытаются творчески развивать институциональный подход и генерировать новые понятия, исходя из анализа преимущественно российской экономики. Некоторые из этих результатов уже отражены в словарях и энциклопедиях (например, *Institutional Trap*, 2008; *Институциональных матриц теория*, 2010). Другие становятся настолько популярными, что уже переходят из научного дискурса в медийный, как например, «экономика физических лиц» (Клейнер, 1996) или термин

³³ Не оправдались предсказания Элвина Тоффлера, разрабатывавшего теорию деинституционализации современных обществ (Toffler, 1971).

О. Э. Бессоновой (1997) «раздаточная экономика» (*Выбор ясен. Раздаточная экономика России, 2015*). Образуют ли исследования данного направления оригинальное лицо «российского институционализма»?

Свои ответы на этот вопрос уже дают представители формирующейся группы исследователей институционализма в нашей стране, ряд из которых процитированы в настоящей статье. Конечно, достижения российских институционалистов пока еще не привлекли внимания столь же широкого круга зарубежных авторов, как, например, течения старого или нового институционализма в США и Европе. Тем не менее, постоянно возрастает количество ссылок из западных и восточных стран на работы российских коллег-институционалистов, а разрабатываемые российскими учеными концепции становятся объектом специального анализа (Zweynert, 2008; 2010) за рубежом.

На мой взгляд, именно на пути осмысленного сотрудничества российских институционалистов друг с другом и с их зарубежными коллегами достигается возможность формирования диалогичной утилитаристской культуры, способной преодолеть, как писал Ахиезер, череду инверсионных циклов «расколотого» российского общества. Развитию необходимых стране институциональных исследований не помогут ни огульная критика «чужого» с призывом опоры «исключительно на собственные силы», ни бессмысленное подражание и постоянные «трансплантации» теоретического знания. Как писал в свое время Абалкин, «решается вопрос о возрождении российской школы экономической мысли как органической части мировой науки. И речь идет не о возврате к старому, а об умении осознать реалии наступающего века. Есть основание полагать, что завтрашний день принадлежит тем, кто активно включится в создание новой парадигмы общественнознания, кто определит место страны в системе альтернативных вариантов ее будущего развития, кто сумеет сочетать анализ глобальных изменений в мире с сохранением уникальности российской цивилизации» (Абалкин, 2000б. С. 73). Я очень надеюсь, что институционалисты России смогут содействовать решению этой действительно важной задачи³⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л. И. (2000а). Избранные труды в IV томах. М: ОАО «НПО «Экономика». Т. 1
- Абалкин Л. И. (2000б). Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М: Институт Экономики РАН.
- Альтер Л. Б. (1948). Буржуазные экономисты США на службе империалистической реакции. М.: Госпланиздат.
- Альтер Л. Б. (1961). Буржуазная политическая экономия США. Изд-во Социально-экономической Литературы.
- Альтер Л. Б. (1971). Избранные произведения. Буржуазная политическая экономия США. М.: Наука.
- Ананьин О. (1999). Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // *Вопросы экономики*, № 11, с. 49-62.
- Афанасьев В.С. (1972). Институционализм. В: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 10. М.: Советская энциклопедия.
- Ахиезер А.С. (1997). Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему.
- Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М. и Сюняев Г. (2015). Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*, № 2, с. 69-103.
- Бердяев Н. (1915). Душа России. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина.

³⁴ В заключение хочу выразить благодарность своему коллеге проф. Джону Холлу из университета Портланда (Орегон, США), стимулировавшему мою работу над этой темой и помогавшему в осмыслении специфики восприятия идей американского институционализма в России.

- Бессонова О. Э. (1997). Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Бессонова О. Э. и Шабанова М. А. (2000). Новосибирская экономико-социологическая школа // *Социологические исследования*, № 8, с. 79-88.
- Битва гигантов: дебаты о международной социологии (от редакционной коллегии) // *Социологический ежегодник*. / Ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011.
- Блюмин И. Г. (1928). Субъективная школа в политической экономии. М.: Издательство Комкадемии.
- Блюмин И. Г. (1930). Очерки современной буржуазной теоретической экономики (К характеристике социального направления). М.: Изд-во Коммунистической академии.
- Блюмин И. Г. (1961). История экономических учений (очерки теории). / Под ред. Ф. Я. Полянского. М.: Государственное издательство «Высшая школа».
- Блюмин И. Г. (1962). Институционализм. В: Критика буржуазной политической экономики (в 3 томах), т. II. Критика современной английской и американской политической экономики. М: Изд-во АН СССР, с. 336-352.
- Большая советская энциклопедия (1953). 2-е изд. Т. 18. М.: Советская энциклопедия.
- Веблен Т. (1984 [1899]). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Веблен Т. (2006 [1898]). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной. В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Выбор ясен. Раздаточная экономика России. 20 января 2015 г. (<http://echo.msk.ru/programs/vyboryasen/1477056-echo/> - Дата обращения: 08.05.2015)
- Глезерман Г. Е., Келле В. Ж. и Пилипенко Н. В. (1971). Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // *Коммунист*. № 4, с. 60-70.
- Дафермос М. (1995). Политическая экономия социализма: история и реальность. М.: Вып. 2, с. 91-118. (<http://ilhs.narod.ru/vip26.htm> - Дата обращения: 01.03.2015).
- Дюркгейм Э. (1990). О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.
- Заславская Т. И. (1985). О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР.
- Заславская Т. И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*, № 3, с. 5-21.
- Заславская Т. И. (2007). Избранное: в 3 т. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».
- Заславская Т. И. и Рывкина Р. В. (1991). Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука.
- Иванов Н. В. (2003). Новосибирская социологическая школа (НСШ) // *Социологическая энциклопедия*. Т. 2. М: Мысль.
- Институциональных матриц теория (2010). Социологический словарь. / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М.
- Инишаков О. В. и Фролов Д. П. (2002). Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.). В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Ипполитов Л. М. (2008). Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х гг.) // *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 4, с. 43-57.
- История экономических учений (2000). / Под ред. В. С Автономова, О. И. Ананьина, Н. А. Макашевой. М: ИНФРА-М.
- Кирдина С. Г. (2004). Постсоветский институционализм в России: попытка обзора // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т.

2, № 2, с. 40-53.

Кирдина С. Г. (2008). Теория и практика современного развития отрицают методологию индивидуализма // *Экономист*, № 8, с. 58-77.

Кирдина С. Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*, № 10, с. 66-89.

Клейнер Г. Б. (1996). Современная экономика России как экономика физических лиц // *Вопросы экономики*, № 4, с. 86-93.

Козлова К. Б. (1987). Институционализм в американской политэкономии. М.: Наука

Коландер Д. (2006/2000). Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Левин С. Н. (2014). О перспективах развития сообщества ученых-институционалистов на постсоветском пространстве // *Журнал институциональных исследований*, № 2, с. 6-9.

Литвинцева Г. П. (1999). Введение в институциональную экономическую теорию: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Литвинцева Г. П. (2001). Словарь терминов по институциональной экономике. (<http://vocable.ru/dictionary/96> - Дата обращения: 02.03.2013).

Львов Д. С. (2001). Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М.

Макашева Н. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания. В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, с. 400-426.

Матвеева С. (1997). Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера. Вступ. статья в: А.С. Ахиезер. Россия: Критика исторического опыта. Том 1. Социокультурная динамика России. / 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: «Сибирский хронограф», с. 4-60.

Матвеева С. Я. (1998). Предисловие. Как возможно утопическое общество: опыт социокультурного словаря-монографии. В: А. С. Ахиезер. Россия: Критика исторического опыта. Том 2. Социокультурный словарь. / 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: «Сибирский хронограф», с. 4-62.

Материалы XXVI съезда КПСС (1981). М.: Политздат. (http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#026 – Дата обращения: 20.03.2015).

Московский Л. (2005). Пределы институционализма // *Экономист*, № 6, с. 74-81.

Нуреев Р. (2007). Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // *Вопросы экономики*, № 7, с. 73-58.

Нуреев Р. М. и Дементьев В. В. (2005). Формирование постсоветского институционализма. / Постсоветский институционализм / Под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, с. 446-479.

Ольсевич Ю. Я. (2004). Трансформация хозяйственных систем. Курс лекций. М.: Московский государственный университет.

Покидченко М. Г. (2005). Социально-экономическая мысль России середины XVIII – начала XX в. В: Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н., Дробышевская Т. А. Пути развития экономики России: теория и практика. М.: ИНФРА-М.

Политическая экономия (1953). Учебник. Второе, дополненное издание. М: Госполитиздат, Академия наук: Институт экономики.

Полтерович В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, № 3, с. 24-50.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Полтерович В. М. и Старков О. Ю. (2007). Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации». М.: Наука.

Полтерович В., Попов В. и Тонис А. (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ГУ-ВШЭ.

- Розмаинский И. В. и Холодилин К. А. (2000). История экономического анализа на Западе. СПб.: СПбГУ.
- Рубинштейн А. Я. (2012). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 13-34.
- Сеть кафедр институциональной экономики в университетах России // *Экономическая наука современной России*, 1999, № 3, с. 172-173.
- Сикора В. Д. (1983). Анти-ортодоксальные экономические теории (критический анализ). Киев: Вища школа.
- Сорокина С. Г. (1981). Сценарии будущего или иллюзии прошлого?: Об институционализме как направлении буржуазной политической мысли. М.: Изд-во «Мысль».
- Урбан О. А. (2014). Социальный механизм институциональной трансформации хозяйства в монопродуктовом регионе. Диссертация на соискание ученой степени д-ра социол. наук. Новосибирск: ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».
- Фролов Д. П. (2002). Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // Материалы научной сессии. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Фролов Д. П. (2003). Эволюция российского экономического институционализма, IX-XX вв. Автореф. дис... кандидата эконом. Волгоград: ВолГУ.
- Фролов Д. П. (2007). Как учат институционализму в России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 5, № 3, с. 155-164.
- Фролов Д. П. (2008). Институциональная эволюция постсоветского институционализма // *Вопросы экономики*, № 4, с. 130-139.
- Фролов Д. П. (2009). Перспективы развития российской институциональной экономики. Доклад на Первом экономическом конгрессе, 10 декабря 2009. (<http://www.econorus.org/consp/d21.html> - Дата обращения: 12.05.2015).
- Шабанова М. А. (2001). Институциональные изменения и неправовые практики // В кн.: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред.: Т. И. Заславская. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, с. 319-326.
- Эльман М. (2009). Каков вклад исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима? М.: Институт экономики РАН.
- Ядов В. А. (1990). Размышления о предмете социологии // *Социологические исследования* № 2, с. 3-16.
- Aoki M. (2013). *Comparative Institutional Analysis: Theory, Corporations and East Asia*. Edward Elgar Publishing Ltd.
- Bergson A. et al. (1964). Foreword. In: Schultz T.W. (ed.) *Transforming Traditional Agriculture*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Coase R. H. (1937). The Nature of the Firm // *Economica, New Series*, vol. 4, no. 16. Nov., pp. 386-405.
- Colander D., Holt R. and Rosser J. B., Jr. (2004). The Changing Face of Mainstream Economics // *Review of Political Economy*, no. 16 (4), pp. 485-499.
- Davydova I. (1997). "Die Nowosibirsker Soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums" // Oswald Ingrid, Possek Ralf, Stykow Petra, Wielgolis Jan (Hg.) *Sozialwissenschaft in Russland*. Bd 2. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Wählerverhalten, Regionalentwicklung, ethnischen Konflikten, Geopolitik, nationalen Interessen und Sowjetgeschichte. Berlin: Berliner Debatte, pp. 151-172.
- Dequech D. (2007). Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics // *Journal of Post Keynesian Economics*, no. 30 (2), pp. 279-302.
- Fioretos O. (2011). Historical Institutionalism in International Relations // *International Organization*, vol. 65, Issue 02, April, pp. 367-399.
- Hamilton D. (1962). Why is Institutional economics not institutional? // *The*

American Journal of Economics and Sociology, vol. 21, no. 3, July, pp. 309-317.

Hamilton W. H. (1916). The Development of Hoxie's Economics' // *Journal of Political Economy*, no. 24(9), November, pp. 855-883.

Hamilton W. H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*, no. 9(1), Supplement, pp. 309-318.

Heilbroner R. (1989). *Behind the Veil of Economics*. New York: Norton.

Hirshleifer J. (1985). The Expanded Domain of Economics // *American Economic Review*, December, vol. 75, pp. 53-68.

International Encyclopedia of the Social Sciences (1968). Ed. by David L. Sills and Robert K. Merton, vol. 4. A. Economic Thought: The Institutional School. New York: The Macmillan Company & The Free Press.

Institutional Trap (by V. Polterovich) (2008). *The New Palgrave Dictionary of Economics*, Second Edition. Ed. by S. N. Durlauf, L. E. Blume. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute - Utrecht School of Economics, Utrecht University

Lawson T. (2006). The Nature of Heterodox Economics // *Cambridge Journal of Economics*, no. 30 (4), pp. 483-505.

Polanyi K. (1977). *The Livelihood of Man* (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc.

Polishchuk L. (2013). Institutional Performance. In: Weber S., Alexeev M. V. (eds.). *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. Oxford: Oxford University Press, pp. 189-220.

Toffler A. (1971). *Future shock*. London: Macmillan.

Williamson O. E. (1985). *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. New York: Free Press.

Zweynert J. (2008). Russian Economic Ideas since Perestroika: Between Path Dependence and Paradigm Shift // *The History of Economic Thought. Series: The History of Economic Thought in Transitional Countries*, vol. 50, no 1, pp. 1-22.

Zweynert J. (2010). Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition: 2003-2007 // *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 4, pp. 547-569.

REFERENCES

Abalkin L. I. (2000a). Selected works in IV volumes. Moscow, JSC "NPO "Economy", vol. 1. (In Russian).

Abalkin L. I. (2000b). Russian school of economic thought: a search for identity. Moscow, Institute of Economics, RAS. (In Russian).

Afanas'ev V. S. (1972). Institutionalism. In: Great Soviet Encyclopedia. 3-e ed., vol. 10. Moscow, Soviet Encyclopedia. (In Russian).

Akhiezer A. S. (1997). Russia: a critique of historical experience (social and cultural dynamics of Russia). Novosibirsk, Siberian Chronograph, vol. 1. From Past to Future. (In Russian). (In Russian).

Alter L. B. (1948). Bourgeois economists in the USA in the service of imperialist reaction. Moscow, Gosplanizdat. (In Russian).

Alter L. B. (1961). Bourgeois political economy of the United States. Publ. House of the Socio-Economic Literature. (In Russian).

Alter L. B. (1971). Selected works. Bourgeois political economy of the United States. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Ananyin O. (1999). Thorstein Veblen's Research Programme: 100 Years after. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 49-62. (In Russian).

Aoki M. (2013). *Comparative Institutional Analysis: Theory, Corporations and East Asia*. Edward Elgar Publishing Ltd.

Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M. and Syunyaev G. (2015). *Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis*.

Voprosy Ekonomiki, no. 2, pp. 69-103. (In Russian).

Battle of Giants: a Debate on International Sociology (Editorial Board). *Sociological Yearbook*. / Ed. and comp. by N. E. Pokrovskii, D. V. Efremenko. Moscow, INION RAS, 2011. (In Russian).

Berdyaev N. (1915). The soul of Russia. Moscow, Printing House of I. D. Sytin's Association. (In Russian).

Bergson A. et al. (1964). Foreword. In: T. W. Schultz (ed.) Transforming Traditional Agriculture. New Haven, CT, Yale University Press.

Bessonova O. E. (1997). The handout institutions of the Russian economy: a retrospective analysis. Novosibirsk, IEOPP SB RAS. (In Russian).

Bessonova O. E. and *Shabanova M. A.* (2000). The Novosibirsk economic-sociological school. *Sociological Studies*, no. 8, pp. 79-88. (In Russian).

Bloomin I. G. (1928). Subjective school in political economy. Moscow, Publ. House of The Communist Academy. (In Russian).

Bloomin I. G. (1930). Essays on modern bourgeois theoretical savings (To the characteristics of the social aspect), Moscow, Publ. House of the Communist Academy. (In Russian).

Bloomin I. G. (1961). History of economic thought (essays on the theory). / Ed. by F. Y. Polyanskiy. Moscow, State Publ. House "High School". (In Russian).

Bloomin I. G. (1962). Institutionalism. In: Critique of bourgeois political economy (3 volumes), vol. II. Criticism of modern English and American political economy. Moscow, Publ. House of The Communist Academy, pp. 336-352. (In Russian).

Coase R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, New Series*, vol. 4, no. 16. Nov., pp. 386-405.

Colander D. (2006/2000). Economic science of the new Millennium: how she found her path and what is it? In: Origins. From the Experience of Studying Economics as Structure and Process. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

Colander D., Holt R. and Rosser J. B. Jr. (2004). The Changing Face of Mainstream Economics. *Review of Political Economy*, no. 16 (4), pp. 485-499.

Dafermos M. (1995). The political economy of socialism: history and reality. Moscow, vol. 2, pp. 91-118. (<http://ilhs.narod.ru/vip26.htm> - Access Date: 01.03.2015). (In Russian).

Davydova I. (1997). "Die Nowosibirsker Soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums" // Ingrid Oswald, Ralf Possek, Stykow Petra, Wielgolis Jan (Hg.) Sozialwissenschaft in Russland. Bd 2. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Wählerverhalten, Regionalentwicklung, ethnischen Konflikten, Geopolitik, nationalen Interessen und Sowjetgeschichte. Berlin, Berliner Debatte, pp. 151-172.

Dequech D. (2007). Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics. *Journal of Post Keynesian Economics*, no. 30 (2), pp. 279-302.

Durkheim E. (1990). About the division of labor in society. The method of sociology. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Ellman M. (2009). What is the contribution of research works on the Soviet economy into the economic mainstream theory? Moscow, Institute of Economics, RAS. (In Russian).

Fioretos O. (2011). Historical Institutionalism in International Relations. *International Organization*, vol. 65, Issue 02, April, pp. 367-399.

Frolov D. P. (2002). Institutionalism in metaconcert economic theory // *Proceedings of the Scientific Session*. Vol. 1: Economics and Finance. Volgograd, Publ. House of the Volgograd State University. (In Russian).

Frolov D. P. (2003). The evolution of Russian economic institutionalism, IX-XX centuries. Dissertation... of Candidate of Economic Sciences. Volgograd, Volgograd State University. (In Russian).

Frolov D. P. (2007). How to teach the institutionalism in Russia. *Economic Herald of the Rostov State University*, vol. 5, no. 3, pp. 155-164. (In Russian).

Frolov D. P. (2008). Institutional evolution in the post-Soviet institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 130-139. (In Russian).

Frolov D. P. (2009). Prospects of development of Russian institutional Economics. Report on the First Economic Congress, December 10, 2009. (<http://www.econorus.org/consp/d21.html> - Access Date: 12.05.2015). (In Russian).

Glezerman G. E., Kelly V. J. and Pilipenko N. V. (1971). Historical materialism – the theory and methodology of scientific cognition and revolutionary actions. *Communist*, no. 4, pp. 60-70. (In Russian).

Great Soviet Encyclopedia (1953). 2-nd ed., vol. 18. Moscow, Soviet Encyclopedia. (In Russian).

Hamilton D. (1962). Why is Institutional economics not institutional? *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 21, No. 3, July, pp. 309-317.

Hamilton W. H. (1916). The Development of Hoxie's Economics'. *Journal of Political Economy*, no. 24(9), November, pp. 855-883.

Hamilton W. H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory. *American Economic Review*, no. 9(1), Supplement, pp. 309-318.

Heilbroner R. (1989). Behind the Veil of Economics. New York, Norton.

Hirshleifer J. (1985). The Expanded Domain of Economics. *American Economic Review*, December, vol. 75, pp. 53-68.

History of Economic Thought (2000). / Ed. by V. S. Avtonomov, O. I. Anan, N. A. Makasheva. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Inshakov O. V. and Frolov D. P. (2002). Institutionalism in Russian economic thought (IX-XXI centuries). 2 vol. Volgograd, Publ. House of the Volgograd State University. (In Russian).

International Encyclopedia of the Social Sciences (1968). Ed. by David L. Sills and Robert K. Merton, vol. 4. A. Economic Thought: The Institutional School. New York, The Macmillan Company & The Free Press.

Institutional Matrices Theory (2010). Sociological Dictionary. / Ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Institutional Trap (by V. Polterovich) (2008). The New Palgrave Dictionary of Economics, Second Edition. Ed. by S. N. Durlauf, L. E. Blume. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.

Ippolitov L. M. (2008). The origin institutionalists economic theory in Russia (about one methodological discussion of the 1920s). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 4, pp. 43-57. (In Russian).

Ivanov N. V. (2003). Novosibirsk sociological school. *Sociological Encyclopedia*, vol. 2. Moscow, Thought [Mysl] Publ. (In Russian).

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers Series. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute Utrecht School of Economics, Utrecht University

Kirdina S. G. (2004). Post-Soviet institutionalism in Russia: an attempt of survey. *Economic Herald of the Rostov state University*, vol. 2, no. 2, pp. 40-53. (In Russian).

Kirdina S. G. (2008). Theory and practice of modern development methodology deny individualism. *Economist*, no. 8, pp. 58-77. (In Russian).

Kirdina S. G. (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 66-89. (In Russian).

Kleiner G. B. (1996). Russia's Economy of Today as "the Economy of Physical Entities". *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 86-93. (In Russian).

Kozlova K. B. (1987). Institutionalism in American political economy. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Lawson T. (2006). The Nature of Heterodox Economics. *Cambridge Journal of Economics*, no. 30 (4), pp. 483-505.

Levin S. N. (2014). On the prospects of institutional economics community in the post-Soviet space. *Journal of Institutional Studies*, no. 2, pp. 6-9. (In Russian).

- Litvintseva G. P.* (1999). Introduction to institutional economic theory: Textbook. allowance. Novosibirsk, Publ. House of NSTU. (In Russian).
- Litvintseva G. P.* (2001). Glossary of institutional economics. (<http://vocable.ru/dictionary/96> - Access date: 02.03.2013). (In Russian).
- Lvov D. S.* (2001). Institutional Economics. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).
- Makasheva N.* (2006). Economic science in Russia during the transformation period (late 1980s-1990s): revolution and the growth of scientific knowledge. In: Origins. From the Experience of Studying Economics As Structure and Process. Moscow, Publ. House of HSE, pp. 400-426. (In Russian).
- Matveeva S.* (1997). A divided society: the path and the fate of Russia in the sociocultural theory of Alexander Akhiezer. Preface. article in: A. S. Akhiezer. Russia: a Critique of Historical Experience, vol. 1. Social and Cultural Dynamics of Russia. / 2-nd ed., Rev. and advanced. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., pp. 4-60. (In Russian).
- Matveeva S. Y.* (1998). Preface. As a possible utopian society: the experience of social and cultural dictionary of the monograph. In: A. S. Akhiezer. Russia: a Critique of Historical Experience, vol. 2. Socio-Cultural Dictionary. / 2-nd ed., Rev. and advanced. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., pp. 4-62. (In Russian).
- Moscowsky L.* (2005). The limits of institutionalism. *Economist*, no. 6, pp. 74-81. (In Russian).
- Nureev R.* (2007). Thorstein Veblen: a view from the XXI century. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 73-58. (In Russian).
- Nureev R. M. and Dementyev V. V.* (2005). The formation of post-Soviet institutionalism. / Post-Soviet institutionalism / Ed. by R. M. Nureev, V. V. Dementyev. Donetsk, Chestnut [Kashtan] Publ., pp. 446-479. (In Russian).
- Olsevich Y. Y.* (2004). Transformation of economic systems. A course of lectures. Moscow, Publ. House of Moscow State University. (In Russian).
- Pokydchenko M. G.* (2005). Socio-economic thought in Russia in the middle of the XVIII – beginning of XX century: Pokydchenko M. G., Speranskaya L. N., Drobyshvskaya T. A. Ways of Development of Russia's Economy: Theory and Practice. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).
- Polanyi K.* (1977). The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y., Academic Press, Inc.
- Polishchuk L.* (2013). Institutional Performance. In: Weber, S., Alexeev, M. V. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford, Oxford University Press, pp. 189-220.
- Polterovich V. M.* (2001). Transplantation of economic institutions. *Economic Science of Modern Russia*, no. 3, pp. 24-50. (In Russian).
- Polterovich V. M.* (2007). Elements of the theory of reforms. Moscow, Economics [Ekonomika] Publ. (In Russian).
- Polterovich V. M. and Starkov O. Y.* (2007). The formation of the mortgage in catching-up economies: the problem of transplantation. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).
- Polterovich V., Popov V. and Tonis A.* (2007). Economic policy, quality of institutions and mechanisms of resource curse. Moscow, Publ. House of SU-HSE. (In Russian).
- Rozmainsky I. V. and Holodilin K. A.* (2000). History of economic analysis in the West. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State University. (In Russian).
- Rubinstein A.* (2012). Social liberalism: economic methodology. *Social Studies and Modernity*, no. 6, pp. 13-34. (In Russian).
- Shabanova M. A.* (2001). Institutional change and non-legal practice // In: Just Who Strives to Russia? Actors Macro, Meso and Micro Levels of the Modern Transformation / Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow, Moscow School of Social and Economic Sciences, pp. 319-326. (In Russian).
- Sikora V. D.* (1983). Anti-Orthodox economic theory (critical analysis). Kiev,

High School Publ. (In Russian).

Sorokina S. G. (1981). Future scenarios or the illusions of the past: About the institutionalism as the direction of bourgeois political thought. Moscow, Publ. House "Thought [Mysl]". (In Russian).

The Choice Is Clear. Handout Russia's Economy. January 20, 2015. (<http://echo.msk.ru/programs/vyboryasen/1477056-echo/> - Access Date: 08.05.2015). (In Russian).

The Materials of the XXVI Congress of the CPSU (1981). Moscow, Politizdat. (http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#026 - Access Date: 20.03.2015). (In Russian).

The Network of Institutional Economics Departments in the Universities of Russia. *Economic Science of Modern Russia*, 1999, no. 3, pp. 172-173. (In Russian).

The Political Economy. (1953). Tutorial. Second, Supplemented ed. Moscow, Gospolitizdat, Academy of Sciences: Institute of Economics. (In Russian).

Toffler A. (1971). Future shock. London, Macmillan.

Urban O. A. (2014). The social mechanism of the institutional transformation of a mono-product economy in the region. The dissertation on competition of a scientific degree of Dr. of Sociological Sciences. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University. (In Russian).

Veblen T. (1984 [1899]). The theory of the leisure class. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

Veblen T. (2006 [1898]). Why is Economics not an evolutionary discipline. In: Origins. From the experience of studying Economics as structure and process. Moscow, Publ. House of HSE.

Williamson O. E. (1985). Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press.

Yadov V. A. (1990). Reflections on the subject of sociology. Sociological Studies, no. 2, pp. 3-16. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (1985). On the social mechanism of economic development // Ways to Improve the Social Mechanism of Development of the Soviet Economy. Novosibirsk, IEOPP SB as USSR. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (1995). The social mechanism of transformation of the Russian society, *Sociological Journal*, no. 3, pp. 5-21. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (2007). Selected works: in 3 volumes Volume 3. My life: recollections and reflections. Moscow, Publ. House "Economy [Ekonomika]". (In Russian).

Zaslavskaya T. I. and Ryvkina R. V. (1991). The sociology of economic life: essays on the theory. Novosibirsk, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Zweynert J. (2008). Russian Economic Ideas since Perestroika: Between Path Dependence and Paradigm Shift. *The History of Economic Thought. Series: The History of Economic Thought in Transitional Countries*, vol. 50, no. 1, pp. 1-22.

Zweynert J. (2010). Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition: 2003-2007. *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 4, pp. 547-569.